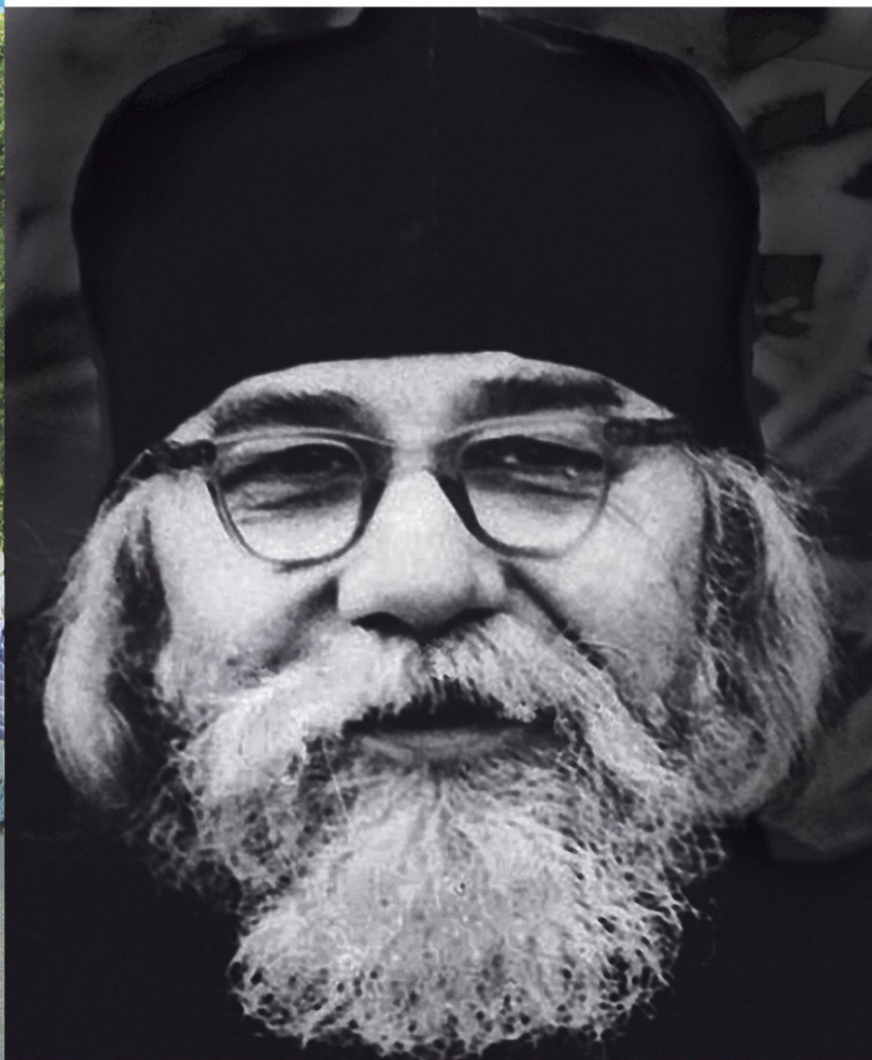

ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

Вячеслав
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Вячеслав Бондаренко

Отец Иоанн (Крестьянкин)

«ВЕБКНИГА»

2019

УДК 27-725(092)
ББК 86.372-6

Бондаренко В. В.

Отец Иоанн (Крестьянкин) / В. В. Бондаренко — «ВЕБКНИГА»,
2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504690-0

«Добрый пастырь», «земной ангел и небесный человек», «духовник всея Руси» – так называли великого старца Русской Православной Церкви архимандрита Иоанна (Крестьянкина, 1910–2006). Почти столетняя жизнь отца Иоанна была посвящена беззаветному служению Богу и людям. Он оставил по себе настолько светлый след, что и после кончины по-прежнему остается нравственным камертоном, по которому сверяют себя тысячи православных по всему миру. Новая книга историка и писателя Вячеслава Бондаренко основана на архивных материалах и воспоминаниях людей, лично знавших старца, и содержит множество ранее неизвестных подробностей его биографии. Второе издание исправлено и дополнено автором. Предисловие митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 27-725(092)
ББК 86.372-6

ISBN 978-5-23-504690-0

© Бондаренко В. В., 2019
© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Предисловие	6
От автора	9
Глава 1	13
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вячеслав Бондаренко

Отец Иоанн (Крестьянкин)

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-818-0651*

Издано при участии Издательского дома «Познание»

© Бондаренко В. В., 2019

© Митрополит Иларион (Алфеев Г. В.), предисловие, 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

© Издательский дом «Познание», 2019

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

Предисловие

Феномен старчества уже более столетия привлекает внимание светских исследователей, патрологов и публицистов вне зависимости от страны или вероисповедания. Древнее египетское и палестинское старчество было хорошо изучено целым рядом западных исследователей (И. Осэр, Ф. Шпидлик, Г. Бунге и др.), тогда как русские ученые В. И. Экземплярский, И. М. Концевич, митр. Трифон (Туркестанов) посвятили свои работы русскому старчеству. Уникальный характер последнего связан в первую очередь с тем, что оно было открыто ко всем слоям общества: крестьянству, интеллигенции, дворянству. В Оптину Пустынь совершали паломничества и переписывались с ее старцами И. В. Киреевский, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и многие другие. Когда один из священников возмутился, почему старец Лев (Наголкин) столь много времени уделяет церковному люду, то старец ответил, что приходские священники либо их не слушают, либо слушают недолго, а монахи стараются выслушать их полностью.

В XX веке наша страна переживала особенно тяжелые времена. Русская Православная Церковь прошла через горнило многолетних гонений и преследований. Было сметено с лица земли множество храмов, погибли десятки тысяч священнослужителей. Но даже такие беспрецедентные по масштабу гонения не смогли подточить веру в народе. Наоборот, многие в результате гонений пришли от внешнего, формального благочестия к внутренней глубокой вере во Христа. В 1937 году, через двадцать лет после начала гонений, когда проводилась все-союзная перепись населения, на вопрос о религиозной принадлежности 56 процентов жителей СССР ответили: «православный христианин». И это были уже не те дореволюционные православные, которые воспринимали веру как должное, но те, кто сознавал, что за исповедание Христа можно лишиться жизни.

Отец Иоанн (Крестьянкин), пройдя через многочисленные тюрьмы и лагеря, стал одним из последних звеньев в золотой цепи русского старчества. Мне посчастливилось знать его на протяжении многих лет.

Вспоминаю свое первое посещение Псково-Печерского монастыря. Было мне тогда лет тринадцать, и на зимние каникулы я приехал в Печоры. Каждое утро около шести часов растворялись монастырские ворота и я оказывался в каком-то волшебном царстве, отделенном от внешнего мира высокими и глухими каменными стенами. В этом царстве, наполненном неземной тишиной, всё было необычно, возвышенно, чудесно. Даже воздух казался иным. Долгие монастырские службы, монашеское пение, колокольный звон, иноки в рясах и черных клобуках, бесшумно передвигавшиеся по зимнему снегу, – всё это производило неотразимое впечатление.

В один из сумрачных и морозных дней той далекой зимы я увидел на дворе Псково-Печерского монастыря толпу людей, преимущественно женщин, одетых в теплые пальто и шерстяные платки. Выражение их лиц, сумрачное и озабоченное, вполне соответствовало погоде. Вдруг я заметил, как из дверей братского корпуса вышел пожилой монах невысокого роста, в черной рясе и скуфье, с распущенными серебряными волосами. Как только он появился, толпа ринулась к нему навстречу: люди бежали, обгоняя друг друга, спеша получить его благословение. Лицо старца сияло, подобно весеннему солнцу, и на лицах людей засветилась радость.

Это и был отец Иоанн (Крестьянкин), имя которого уже тогда было окружено всероссийским почитанием. Ради того, чтобы увидеть его, чтобы получить его благословение или совет, тысячи людей со всей России стекались в Псково-Печерский монастырь – один из тех немногих духовных центров, которые остались незакрытыми и неразрушенными в советские годы. Отец Иоанн прожил в этом монастыре несколько десятилетий. Перед дверью его кельи

всегда сидели посетители, а когда он шел в храм на богослужение, паломники окружали его плотным кольцом.

Для каждого отец Иоанн находил доброе слово, каждого умел обласкать, утешить, духовно укрепить. Помню беседы с батюшкой в его келье. У него была характерная манера сажать собеседника рядом с собой и во время разговора класть руку на его плечо, а иногда даже упираться лбом в лоб собеседника. От отца Иоанна всегда исходили необыкновенная теплота и энергия. По окончании беседы отец Иоанн помазывал посетителя освященным маслом, давал с собой иконки, антидор, снабжал духовной литературой, которой тогда так не хватало.

Советы отца Иоанна были простыми и здравыми. Не помню случая, чтобы он навязывал какое-либо решение. Он всегда подчеркивал, что каждому человеку Богом дарована свобода, и никакой духовник, никакой старец не могут ее нарушить. Все ответственные решения человек должен принимать сам и за благословением приходить тогда, когда решение внутри уже созрело, когда нет колебаний, сомнений. В своих письмах отец Иоанн говорит: «Никто за нас не может решать наших жизненно важных вопросов, и даже в прежние времена старцы не командовали наследием Божиим. Обдумывать, на что брать благословение, должен сам человек. Приказов в духовной жизни быть не может».

Не помню, чтобы я когда-либо приехал к старцу для решения тех или иных «жизненно важных вопросов» или «проблем»: как правило, я приезжал за духовным советом или просто для беседы. Когда по окончании службы в армии я решил принять приглашение архиепископа Виленского и Литовского Викторина приехать в Литву, чтобы поступить в Свято-Духовский монастырь, я попросил на это благословение у отца Иоанна. У меня не было сомнений в правильности избранного пути, и я не спрашивал отца Иоанна, например, жениться мне или принимать монашество, служить в Церкви или оставаться в миру. В то же время я испытывал трепет перед высотой священнического служения и потому нуждался в духовном укреплении, в молитве и благословении старца. Он дал это благословение без колебаний, сказав: «Ты нужен Церкви». И в последующие годы я постоянно чувствовал его молитвенную поддержку и помощь.

Отец Иоанн был пламенным молитвенником и ревностным совершителем богослужений. Его служение было вдохновенным, молитва проходила через него, заполняя всё его существо, глаза его были устремлены к небу, ничто земное его не отвлекало. Возгласы он произносил громко и внятно. Иногда он даже как будто приподнимался на цыпочки, словно готовый воспарить в небеса. За богослужениями, совершаемыми отцом Иоанном, невольно вспоминался другой всероссийский светильник – святой праведный Иоанн Кронштадтский, которого отец Иоанн глубоко почитал.

Моя последняя встреча со старцем произошла за несколько месяцев до его кончины. Открыла дверь его многолетняя верная помощница Татьяна. Старец сидел в белом подряснике, с белыми распущенными волосами. Во всем его облике было что-то неземное, ангельское, чувствовалось, что его душа уже пребывает на небесах и лишь тело временно задержалось на земле. В то же время он сохранял ясность мысли и какую-то детскую веселость, которая от него передавалась всем, кто с ним встречался. Не было ничего трагического в облике этого почти столетнего старца: наоборот, его благообразный лик излучал тишину, свет и покой. На прощание батюшка попросил у меня благословения и даже громко пропел «Исполла эти дэспота». Я, в свою очередь, попросил благословения у старца, и он осенил меня широким крестом.

«Христианство – это подвиг жизни, это крестоношение, это труд», – пишет отец Иоанн. Его собственная жизнь была подтверждением этих слов. Он был рукоположен в священник в год окончания Великой Отечественной войны, но уже спустя пять лет оказался в заключении. После семи лет лагерей и ссылки отец Иоанн двенадцать лет служил на приходах, и за эти годы его шесть раз перемещали с одного прихода на другой. В 1966 году он принял постриг

от одного из абхазских пустынников и в 1967 году поступил в Псково-Печерский монастырь. После этого – почти сорок лет подвижнического труда по духовному окормлению сотен и тысяч православных верующих.

Духовная свобода, по словам отца Иоанна, «покупается дорогой ценой страданий». Эту цену заплатили многие тысячи Новомучеников и Исповедников Российских, отдавших жизнь за веру и Церковь в лютую годину гонений. Цену страданий заплатил и сам отец Иоанн. Ему суждено было пройти через тяжелые испытания, но Господь сохранил его жизнь – сохранил для всех нас, чтобы мы «порадовались при свете его» (Ин. 5:35). Он прожил жизнь исповедника и подвижника, и не случайно, что именно в день памяти Новомучеников и Исповедников Российских Господь призвал к Себе Своего верного слугителя.

Книга, которую читатель держит в руках, – не только дань памяти этому великому человеку, но и очень важный вклад в изучение феномена русского старчества. Основываясь на архивных материалах, воспоминаниях современников, многочисленных письмах, словах и проповедях отца Иоанна, в которых его голос сливается с голосами его современников, В. Бондаренко живописует перед читателями цельный и живой образ старца и картину столь непросто-го для России XX столетия. Надеюсь, что эта книга откроет новые грани личности старца тем, кто помнит и любит его, а у тех, кто впервые узнает о нем, вызовет искренний интерес к жизни и вере этого великого подвижника.

Митрополит Волоколамский Иларион,

3 декабря 2018 г.

Посвящаю светлой памяти монаха Лазаря (Афанасьева, 1932–2015)

О, какое же это счастье, ни с чем не сравнимое, – верить в Бога, любить Его, страдать за Него!

Преподобный Серафим (Романцов)

Православие нельзя рассказать, его можно только показать жизнью.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

От автора

Читатель держит в руках биографию знаменитого подвижника православной веры – архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Первые шаги для того, чтобы обобщить жизненный и духовный опыт великого старца, были предприняты еще при его жизни. Сначала архимандрит Тихон (Секретарев), наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где в 1967–2006 годах подвизался о. Иоанн, попросил близких к нему людей написать о нем воспоминания. Но эта затея потерпела неудачу – все, к кому обратились с просьбой, отказались на том основании, что сам о. Иоанн не одобряет «прославителей и прославительниц». Тогда отец наместник обратился к самому батюшке – и столкнулся с энергичным отпором:

– Какие еще воспоминания? О ком это? О человеке, прошедшем всю свою жизнь на ярмарке? Обо мне одно воспоминание – поживе и умре, поживе и умре!

Зная скромность старца, архимандрит Тихон привел другой аргумент:

– Батюшка, писать о Вас всё равно будут непременно, но именно те, кто мало что знает, но много выдумает. И тогда измышлениям о Вашей жизни не противопоставится правда. Да и возможность злонамеренно использовать Ваше имя не исключена.

Отец Иоанн задумался. После долгого молчания он перекрестился и благословил на труд, добавив одно пожелание:

– Только акафистов мне не пишите.

– Может, будет правильно подключить к работе писателя-профессионала?

– Нет, нет, сами пишите, кто был рядом, кто видел меня, и кого знал я.

А келейнице Татьяне Сергеевне Смирновой потом добавил:

– Ну уж раз говорят, что это необходимо, то делай сама, но смотри, чтобы не было выдумок и глазки-то у вспоминальщикиков не блестили, но говорили лишь о том, что я дал вам видеть.

Своему духовному чаду о. Тихону (Шевкунову), ныне митрополиту Псковскому и Порховскому, о. Иоанн также дал своеобразный наказ:

– Вот, скоро я умру. Поэтому потрудись, напиши то, что ты помнишь и хочешь сказать обо мне. А то потом вы всё равно будете писать и такого можете надумать, что будет как у бедного отца Николая (о. протоиерея Николая Гурьянова. – В. Б.), который и «котиков воскресал», и другие небылицы. А тут я сам всё просмотрю и буду покоен.

Так начался сбор материалов для биографии о. Иоанна, впоследствии положенных в основу книг архимандрита Тихона («Земной Ангел и Небесный человек» и «Христов пастырь») и Т. С. Смирновой («Память сердца» и «Божий инок»). Их главные достоинства – личное общение авторов с о. Иоанном на протяжении длительного времени, благоговейная любовь к своему герою, масса бесценных подробностей и документов, опубликованных впервые.

Не менее важным является и другой завет, данный о. Иоанном в одном из писем: «Читайте литературу репринтного издания, а не современную, где много фантазии и даже лжи, да еще без цензуры изданную».

Таким образом, биограф о. Иоанна находится в сложном положении – ведь старец был против изложения своей жизни на бумаге человеком, которого он не знал лично, хотел сам заверить текст написанного и к тому же весьма нелицеприятно отзывался о современной литературе. Однако прав был и архимандрит Тихон: невзирая ни на что, о старце уже писали, пишут и, несомненно, будут писать еще долгие годы. Желание постичь его загадку, осмыслить колоссальное воздействие о. Иоанна на жизнь нашей страны в XX и начале XXI века возникает у самых разных людей – и тех, кто общался с батюшкой при жизни, и тех, кто знал его лишь заочно, и тех, кто открыл его для себя после его ухода. Так что появление новых очерков, статей и книг о нем закономерно и неизбежно.

К такого рода попыткам прикоснуться к чуду о. Иоанна относится и настоящая его биография. К сожалению, автор не имел счастья знать своего героя при его жизни и общаться с ним. Поэтому при написании книги была использована вся доступная литература об о. Иоанне, созданная на данный момент, документальные фильмы о нем, материалы архива Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и других архивов, публикации в прессе и Интернете, устные воспоминания людей, лично знавших старца. В работе автор строго руководствовался рекомендацией самого о. Иоанна – не писать ему акафистов, то есть хвалебных песнопений. Смеем заверить читателя, что эта книга – не акафист, не житие святого, не словесная икона, где изображен некий идеальный образ. Отец Иоанн Крестьянкин шел к себе самому через длинную цепь сложных испытаний – и духовных, и телесных. Тем поучительнее итог его жизни, продолжающей светить нам и сегодня. Нет здесь и фантазий, и лжи, присутствующих, как с грустью констатировал о. Иоанн, современной литературе: биография – не роман, и придумывать занимательные ходы для пущей «читабельности» непозволительно, тем более что правда о жизни о. Иоанна увлекательна и поучительна сама по себе. Ряд предположений, высказываемых автором в книге, основан на имеющихся в его распоряжении фактах и не претендует на истину в последней инстанции.

Не менее важным оказался завет, данный о. Иоанном издателям его проповедей: «Молчание – тайна будущего века, и я уже ухожу в молчание. Но если кому-то будет польза от того, что говорилось мною ранее, то да благословит вас Господь на дело сие, но не нам, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113: 9). Покажите наше время, жизнь Церкви и дух Ее соборности». Хотя это пожелание и не относится напрямую к биографу, слова «Покажите наше время, жизнь Церкви и дух Ее соборности» были тем камертоном, по которому автор старался настроить повествование.

А вот еще один завет о. Иоанна будущему биографу: «чтобы глазки не блестели», – при всем желании выполнить не удалось. Конечно же, это пожелание неосуществимо – у всех, кто соприкасался с о. Иоанном очно или заочно, так или иначе «глазки блеснут» с первых же минут. Как говорил он сам, «тот, кто попал в мою орбиту, попал в нее навсегда». Автор надеется, что с прочтением этой книги число «попавших в орбиту» о. Иоанна увеличится...

Одному из своих корреспондентов, писавших о святом праведном Иоанне Кронштадтском, о. Иоанн советовал: «Молись ему теперь и увидишь, как его предстательством сама напишется работа о нем. Тебе на радость и утешение будет труд этот». Эти слова можно применить к работе над этой книгой – труд был радостным, и особую радость доставляло общение с людьми, которые помогали сделать рассказ об о. Иоанне ярче.

Автор выражает глубокую благодарность Патриаршему Экзарху всея Беларуси митрополиту Минскому и Заславскому Высокопреосвященнейшему Павлу, благословившему его на создание этой книги и поделившемуся своими воспоминаниями об о. Иоанне; наместнику Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря в 1995–2018 годах архимандриту Тихону (Секретареву), благословившему на беседы с насельниками обители; помощнику о. Иоанна в последние годы жизни, благочинному Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандриту Филарету (Кольцову), поделившемуся яркими и эмоциональными воспоминаниями; насельнику Свято-Введенской Оптиной пустыни иеромонаху Платону – за ценные консультации по судьбе И. А. Соколова; насельнице Свято-Введенского женского монастыря (г. Орёл) монахини Анне – за воспоминания об орловских годах семьи Крестьянковых; насельнику Сретенского мужского монастыря (Москва) иеромонаху Кириллу (Воробью) – за воспоминания об общении с о. Иоанном на рубеже 1980–1990-х годов.

Поистине бесценным было общение с людьми, шедшими по жизни с о. Иоанном долгие годы, его духовными чадами. В первую очередь, это келейница и письмоводитель Татьяна Сергеевна Смирнова (Печоры), хранительница архива и духовного наследия старца. Бережно сохранили у себя дома всё, связанное с о. Иоанном, Алексей Борисович и Марина Викторовна

Ветвицкие (Москва), чья квартира была «штабом» батюшки во время его наездов в столицу. Алевтина Петровна Мизгирева (Москва) и Антонина Алексеевна Черенкова (Ермишь) рассказали о встречах с о. Иоанном времен его служения на рязанских приходах. Ольга Борисовна Сокурова и Глафира Павловна Коновалова (Санкт-Петербург) – об общении с ним на протяжении 1970—1990-х годов.

Очень важной была добрая, вдохновляющая поддержка со стороны старших коллег по серии «ЖЗЛ» – Юрия Михайловича Лощица (Москва) и Валерия Николаевича Сергеева (Ростов Великий). Выдающийся русский искусствовед, без преувеличения великий знаток иконописи, автор неоднократно изданной в серии «ЖЗЛ» и за рубежом классической биографии «Андрей Рублев» В. Н. Сергеев оказал автору большую честь, специально для этой книги написав обширный мемуарный очерк о своем послевоенном детстве в Измайлове и встречах с о. Иоанном в конце 1940-х годов. К сожалению, этот очерк оказался одной из последних его работ – Валерий Николаевич ушел из жизни 29 апреля 2018 года, за два дня до своего 78-го дня рождения, на следующий день после ухода Печерского старца Адриана (Кирсанова)...

Хочется сказать слова искренней благодарности в адрес земляков о. Иоанна, знатоков истории города Орла и Орловского края – Анатолия Ивановича Перелыгина, Анатолия Константиновича Мищенко, Андрея Валерьевича Дунаева, Дарьи Юрьевны Фурманской, – каждый из которых так или иначе был причастен к появлению этой книги. Особый вклад внесли руководитель Орловского отделения Общества исторического просвещения «Двуглавый орёл» Константин Борисович Грамматчиков и краевед Александр Михайлович Полынкин (поселок городского типа Покровское Покровского района Орловской области), любезно предоставивший в распоряжение автора обнаруженные им в Государственном архиве Орловской области материалы о роде Крестьянковых. Находки А. М. Польшкина по праву могут считаться генеалогической сенсацией, ведь они вводят в научный оборот новые данные о семье о. Иоанна.

Также автор приносит сердечную благодарность за помощь в работе над книгой Максиму Владимировичу Мисько, Александру Владимировичу Чирко (Минск), Зиновию Александровичу Чеснокову, Денису Глебовичу Подвойскому (Москва), Юрию Вениаминовичу Гераськину, Игорю Васильевичу Евсину, Игорю Николаевичу Гребенкину, Петру Владимировичу Акулышину, Михаилу Евгеньевичу Савостьянову, Елене Феликсовне Яшагиной (Рязань), о. протоиерею Михаилу Аблязову, Николаю Семеновичу Мишину, Надежде Николаевне Игнатовой (село Троица Спасского района Рязанской области), Римме Павловне Ларкиной (село Половское Спасского района Рязанской области), Максиму Ивановичу Кузнецову (село Надежка Ермишинского района Рязанской области), о. протоиерею Петру Сосновикову, Павлу Владимировичу Булгакову (село Борец Сараевского района Рязанской области), Галине Александровне Ларчевой, о. Сергию Правдолюбову, Александре Владимировне Правдолюбовой (Касимов), о. Симеону Правдолюбову (поселок Сынтул Касимовского района Рязанской области), Владимиру Владимировичу Глинскому, Дмитрию Даниловичу Ковалику (Печоры), сотрудникам Центрального архива ФСБ России (Москва), Государственного архива Орловской области, Орловского краеведческого музея, Орловской областной универсальной научной библиотеки имени И. А. Бунина (Орёл), Псковской областной универсальной научной библиотеки (Псков), Странноприимного дома Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря (Печоры).

Отдельные благодарности – почетному настоятелю храма Святителя Николая Чудотворца (Касимов) о. протоиерею Владимиру Правдолюбову, поделившемуся воспоминаниями и сделавшему ряд замечаний по тексту книги; настоятелю храма Живоначальной Троицы (Троицкое-Голенищево) о. протоиерею Сергию Правдолюбову, сделавшему ряд ценных уточнений и оказывавшему автору теплую и очень важную духовную поддержку; председателю Синодального паломнического отдела Белорусской Православной Церкви о. протоиерею Александру Ширитону за помощь в организации паломничества в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь; дорогому другу, настоятелю храма Святого великомученика и Победоносца Георгия

гия (деревня Слободка Столбцовского района Минской области Беларуси) о. Николаю Куренкову, который, несмотря на тяжелую болезнь, нашел время ознакомиться с рукописью и сделал ряд замечаний; Артему Юрьевичу Ефимову, благодаря которому автор впервые осознанно прикоснулся к судьбе о. Иоанна; Александре Витальевне Чистяковой, благодаря чьей бескорыстной помощи биографию украсил ряд иллюстраций; прихожанке храма Живоначальной Троицы, краеведу Ольге Сергеевне Бируле-Тиханкиной (село Троица Спасского района Рязанской области), предоставившей ценные иллюстрации и множество интереснейших сведений, касающихся служения о. Иоанна на Рязанщине.

Книга носит заглавие «Отец Иоанн (Крестьянкин). И путь, и истина, и жизнь». На наш взгляд, эта цитата из Евангелия от Иоанна (апостола любви, в память которого о. Иоанн принял монашеское имя) как нельзя лучше отражает суть судьбы старца. Его духовный путь, непрерывно постигаемая им истина и прожитая жизнь гармонично сливались в единое целое – вдохновенное служение Господу и людям. И если благодаря этой книге читатель заинтересуется духовным наследием о. Иоанна или откроет для себя какие-либо новые черты в его образе, задачу, которая ставилась в начале работы над биографией, можно будет считать выполненной. Автор надеется, что книга станет скромным вкладом в дело канонизации о. Иоанна (Крестьянкина).

Биографию автор посвящает памяти своего первого духовного наставника и учителя в литературе – монаха Лазаря (Афанасьева, 1932–2015). Упокой, Господи, его душу.

Слава Богу за всё.

Глава 1

Родные места

Наш герой родился там-то в таком-то году – так нередко начинаются жизнеописания. После зачина биограф чаще всего сразу переходит к рассказу о семье своего героя и его детских годах, торопясь привести читателя к тому главному, ради чего и затевалась книга. Мы же не будем торопиться, руководствуясь высказыванием Гёте: «Кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта». Под словом «поэт» Гёте, конечно, понимал «человека духа», «творца», и в таком смысле это высказывание вполне применимо к о. Иоанну Крестьянкину – чтобы понять, *кем* он стал и *почему*, нужно для начала взглянуть на карту России и найти на ней город с гордым названием Орёл.

Это середина, срединная Русь. Как писал И. С. Тургенев, «на тысячу верст – кругом Россия – родная земля», и это точное определение: от Орла примерно одинаковое расстояние что до северных пределов страны, что до южных. Для местных жителей равно привычны и родны и бескрайние степи, и могучие дубравы Орловского Полесья, и течение Оки, и виды, открывающиеся с покатых холмов Среднерусской возвышенности. Здесь соединяются, сплавляются воедино все особенности, характерные для русской природы разных краев.

Сейчас Орловщина срединна, но когда-то она была южным пограничьем Руси – здесь проходил поход князя Игоря на половцев, здесь, согласно былинам, схватились Илья Муромец с Соловьем-разбойником. И сам город Орёл был основан Иваном Грозным в 1566 году именно как передовая пограничная крепость. К исконным жителям этих мест – потомкам вятичей – добавились городовые казаки, охранявшие Орловщину от набегов степняков. В начале XVII столетия сюда, на окраину, стремились люди, чем-либо провинившиеся перед государством, беглые крестьяне, будущие участники смут. Безудержная лихость и стойкость в обороне, бунтарский дух и сострадание к ближнему, умение не отчаиваться и способность найти общий язык даже с врагом – эти качества вырабатывались в местных людях столетиями.

На редкость разнообразная природа и бурная история, закалившая народный характер... Неудивительно, что именно Орловщина вдохновляла множество писателей и поэтов, самые крупные величины из которых – Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, А. А. Фет, Н. С. Лесков, Л. Н. Андреев, М. М. Пришвин, Б. К. Зайцев (это только те, кто родился в тамошних местах; писателей, которые какое-то время жили в Орле или рядом, еще больше, и их список по праву возглавляют В. А. Жуковский и И. А. Бунин). Один из них, Николай Лесков, очень точно сказал о своей родине: «Орёл вспоил на своих мелких водах столько литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город». «Плодородное подстепье, где образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все русские писатели», – вторил ему Иван Бунин. Борис Зайцев: «Место встречи северо-средней Руси с южною, Москвы со степью. К западу заходя в Калужскую, к северу в Московскую, области <...> Орла являются как бы Тосканою русской. Богатство земли, тучность и многообразие самого языка давали людям искусства». В этом смысле именно Орёл вполне может считаться третьей, после Москвы и Петербурга, столицей отечественной литературы, а писатели-орловцы по праву причислены к наиболее тонким и чутким знатокам русского характера и мировосприятия.

Не менее интересна и духовная история здешних мест. Вятичи принимали православие медленно и как бы этапами: сначала киевский князь Владимир Святославич крестил их «лучших мужей», а главную миссию по обращению племени в христианство выполнил иеромонах Киево-Печерского монастыря Кукша – по одной из версий, бывший вождь вятичей, плененный и постриженный в монахи Владимиром Мономахом, а затем вернувшийся к своему народу уже проповедником. Киево-Печерский патерик сохранил сведения о многих чудесах, творимых

Кукшей, – он «бесов прогна, дождь с небесе сведе, езеро иссуши» (имеется в виду священное озеро язычников). По легенде, которая передавалась в Орле в начале XX века, креститель края жил в лесу недалеко от деревни Карандаково, в десяти верстах от Мценска. Там он выкопал колодец, получивший в народе название «Страдальческого святого» и сохранившийся по сей день. Там же и оборвалась его земная жизнь – в ночь на 27 августа 1113 года язычники напали на Кукшу и его ученика Никона, долго мучили их, а затем отвели к болоту и обезглавили.

Семена, брошенные священномучеником Кукшей, прорастали трудно и медленно. Несмотря на то что местная знать приняла православие, в землях вятичей новая вера долго соседствовала с язычеством, а проповедники часто становились жертвами разбойников, населявших леса. Дополнительные трудности создавала и отдаленность Чернигова, в епархию которого входила будущая Орловщина. В итоге на момент Батыева нашествия земли вятичей так и не были полностью христианизированы, а век спустя, в 1365-м, они были захвачены Литвой. Только в 1500 году великий князь Московский Иван III укрепил западные города будущей Орловщины за Русью; 66 лет спустя был основан сам Орёл. И хотя край еще долгое время восстанавливался после литовского владычества и набегов татар, Орловщина постепенно становилась южным форпостом православия. В 1500 году в крепости Мценск уже существовал Петровский монастырь; сразу после основания Болхова в 1554-м был создан Оптин монастырь Рождества Богородицы, появились свои обители в Орле (Богоявленская), Ливнах (Сергиевская), Кромах (Троицкая). Смутное время начала XVII века сильно ударило по церковной жизни края, но не прервало ее ход: разоренные монастыри восстанавливались под новыми названиями (мценский Архангельский стал Вознесенским, Петровский – Петропавловским) или переносились в другое место (так, орловский Богоявленский монастырь в 1640-х годах был переведен в Острог, а сорок лет спустя – на Ввозную гору с переименованием в Успенский). В конце столетия были основаны новые обители – Введенский женский монастырь недалеко от Орла, Николаевский женский в Ливнах, Троицкий Свято-Духов мужской и Ильинский женский в Новосиле.

Монастырским краем Орловщина перестала быть лишь при Екатерине II. Согласно штату 1764 года сохранялись только два орловских монастыря – мужской Успенский и женский Введенский; монастыри Мценска, Болхова и Новосили были выведены за штат (то есть на собственное содержание), а прочие упразднены. Но одновременно росло число приходских храмов: если в 1755 году в Орле было 11 церквей, то в 1787-м – 22. В 1778 году в Севске заработала духовная семинария, а в Брянске и Карачеве – духовные училища. 15 сентября 1779 года такое училище было создано и в Орле, год как ставшем губернским городом. Под него был выделен третий этаж каменного корпуса Успенского мужского монастыря. Всё это причудливым образом сочеталось с отголосками лихой орловской жизни прежних времен – Орловщина была родиной скопчества, там прочно укоренилось старообрядчество (один из иерархов, побывав в Орле, писал, что «здесь почти всё дышит расколом»), время от времени возникали ереси, а священство и монашество страдало от разбойничьих шаек, с которыми не могли сладить местные воинские команды.

В 1788 году была создана Орловская епархия, причем до 1819 года орловские архиереи имели место пребывания в Севском Спасском монастыре. В пределах епархии насчитывалось 824 храма. С конца XVIII столетия почти все древние каменные церкви в Орле перестраивались, закладывались и новые. Так, в день коронации Павла I в 1797 году епископ Орловский и Севский Аполлос (Байбаков) заложил собор во имя Павла Исповедника (постройка этого храма затянулась до 1841 года; с 1861-го он именовался Петропавловским, в 1923-м был закрыт, в 1940-м – уничтожен; сейчас на его месте монументальное здание Орловской областной универсальной научной библиотеки имени И. А. Бунина, фасадная и боковая колоннады которой «позаимствованы» у собора), а в 1801–1817 годах на правом берегу реки Орлик был построен красивейший храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделами Святого

Архистратига Михаила и Святого Иоанна Воина – он, к счастью, сохранился и радует глаз по сей день.

Дальнейшее развитие церковной жизни Орла и губернии было плавным. В 1819 году епископ Орловский и Севский перенес резиденцию в Орёл, в 1827-м туда же переехала семинария. 1843 год ознаменовался гибелью в пожаре Введенского монастыря, который после этого был воссоздан на юго-восточной окраине Орла; хранившийся в нем список с иконы Божьей Матери Балыкинской с 1858 года почитался как чудотворный. Появлялись в губернии и новые монастыри – в 1875-м Богородично-Всехсвятский, в полуверсте от Болхова, а в 1884-м – Марии Магдалины в селе Никольском. Большими событиями для орловцев стали прибытие 25 августа 1895 года в город написанной в Киево-Печерской лавре иконы священномученика Кукши и освящение 13 октября 1902 года храма Иверской иконы Божьей Матери, заложенного в честь коронации Николая II. А 6 мая 1904-го государь встретил в Орле свой день рождения. Это посещение императором Орла превратилось в народный праздник, описание которого выглядело так:

«К приезду Царя Орел украсили флагами, гирляндами, вензелями. Места по маршруту следования Царя были заранее распределены между учащимися, представителями сословий и корпораций. Визит Императора превратился в грандиозную демонстрацию верноподданнических чувств.

В Орле Его Величество изволил принимать депутации от города, дворянства, прочих сословий и правительственных учреждений. После приема депутатий Государь Император отбыл в церковь 51-го Черниговского драгунского полка, где слушал Литургию и молебен. Пели полковые певчие и ученики местной церковной школы, а “Верую” и “Отче наш” были исполнены общим пением солдат и присутствующим в храме народом. По окончании богослужения священник отец Митрофан Сребрянский имел счастье обратиться к Государю Императору с приветственными словами. Поблагодарив за приветствие, Николай II милостиво расспрашивал отца Митрофана о состоянии местной церковной школы, о певчих, выразив особое свое одобрение общему пению.

Из церкви Черниговского полка Его Императорское Величество в сопровождении Государя Наследника и Великих князей изволил отбыть в Кафедральный собор, восторженно приветствуемый по всему пути тысячными толпами народа. При входе в собор Императора встретило соборное духовенство во главе с ректором семинарии протоиереем В. А. Сахаровым со Святым Крестом. Приложившись ко Кресту, Государь изволил проследовать вперед и выслушать краткое молебствие с многолетием. После этого настоятельница Орловского Введенского монастыря игумения Антония удостоилась поднести Его Величеству икону Балыкинской Божией Матери. Император Николай с благодарностью принял подношение.

Затем, из собора, Государь отбыл на станцию “Орел” для дальнейшего следования».

Меньше чем через месяц, 3 июня, Орёл посетила также великая княгиня Елисавета Федоровна с мужем, великим князем Сергием Александровичем. Они провожали на японский фронт 51-й драгунский Черниговский полк, августейшим шефом которого была великая княгиня. А 20 августа 1904 года в Орёл прибыл знаменитый на всю Россию о. Иоанн Кронштадтский. Это был уже третий его приезд в город, раньше он бывал там в октябре 1893-го и сентябре 1897-го. Заутреню и Божественную литургию он служил в Петропавловском кафедральном соборе, который не смог вместить всех орловцев, желавших увидеть легендарного пастыря. 21 августа о. Иоанн посетил также Введенский женский монастырь и уехал в Москву в час ночи...

Так что к началу XX столетия орловцы по праву могли считать свой край не только литературным, но и духовным средоточием России. Именно Орловщина дала стране таких выдающихся иерархов, как митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатров, 1779–1857), архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов, 1800–1857) и епископ Вла-

димирский и Суздальский святитель Феофан Затворник (Говоров, 1815–1894). Уроженцами Орловской губернии были великие русские старцы XIX столетия – преподобные иеросхимонахи Лев (Наголкин, 1768–1841) и Макарий (Иванов, 1788–1860) и их наследники в XX веке, иеромонах Нектарий (Тихонов, 1853–1928) и архимандрит Исаакий (Бобраков, 1865–1938). Глубоко верующим было всё окружение будущего о. Иоанна Крестьянкина. Как он сам вспоминал, до четырнадцати лет – то есть до 1924 года – он не встречал в Орле вообще ни одного неверующего человека.

Символами напряженной духовной жизни города были его многочисленные православные храмы. К 1912 году их насчитывалось в Орле 42, из них 15 приходских, 12 домовых, пять кладбищенских, пять в Архиерейском доме, четыре во Введенском монастыре. Отдельностоящими зданиями были 28 храмов, из которых до наших дней дошли 10. Из 18 погибших храмов шесть были разрушены в 1920–1930-х годах, четыре – во время Великой Отечественной, семь – с 1946 по 1991 год; последней, в октябре 1996-го, сгорела деревянная кладбищенская церковь Воскресения Христова. Но даже сейчас, после всех перенесенных утрат, в Орле можно любоваться как архитектурой старинных храмов, так и их расположением: в центре города, кажется, нет такой точки, откуда не был бы виден хоть один золотой крест над куполом.

А в остальном Орёл начала XX века тоже являл собою характерное для тех мест смешение возвышенного и земного, мило-провинциального и почти столичного. Во многом это был один из самых передовых городов России – в Орле появились один из первых в стране водопроводов (1863), телефонов (1881), телефонных станций (1892); 4 ноября 1898-го пошел по улицам новенький трамвай – пятый в империи после киевского, нижегородского, курского и витебского. Железная дорога прошла через Орёл еще в 1868-м и в начале века воспринималась уже как нечто само собой разумеющееся, а Орловско-Витебский вокзал – очень красивый, внешне напоминавший старинный замок, – был городской достопримечательностью. На улицах еще преобладали керосиновые фонари (950 против 66 электрических), но электричество с каждым годом завоевывало новые позиции. Действовали многочисленные, хотя и небольшие заводы и фабрики (на 1886-й – 104, на 1913-й – 178); были построены изящные металлические мосты: Мариинский через Оку и Александровский через Орлик; возводились дома, которые отлично смотрелись бы и в столицах – дом-башня Похвалинского, дом Серебрянниковых, гостиница «Берлин», Северный банк. Особенно быстро город развивался при городских головах Д. С. Волкове (1887–1893) и Н. И. Чибисове (1894–1901). Именно на переломе столетий начался резкий рост населения Орла. Если на протяжении XIX века в городе жило в среднем 25–30 тысяч человек, то в 1897-м – 69 700, а в 1914-м – уже 96 200. При этом «местными уроженцами», то есть коренными орловцами, не являлись почти 36 тысяч человек, а 44 процента населения относили себя к крестьянам. Затем численность горожан резко сократится и снова выйдет на дореволюционный уровень только в середине 1930-х.

В самом начале столетия Орёл успел пройти через бурные события. На протяжении трех дней, с 7 по 9 октября 1905-го, по Болховской улице с пением «Марсельезы» двигались демонстрации под красным флагом. Бастовали почтово-телеграфная контора, служащие станции Орёл, типография; в здании Дворянского собрания можно было найти листовки антиправительственного содержания... Но дальше этого дело не пошло. И если не считать этого эпизода, жизнь провинциального города была размеренной и спокойной. Орловцы гуляли по плавно спускавшейся к реке главной улице – Болховской, торговали на Кромской площади, по праздникам веселились в Шредерском саду, названном в честь губернатора Николая Шредера, и в саду «Дворянское гнездо», где в 1903-м открылся бюст Тургенева, брали книги в библиотеке «Орловского вестника», фотографировались на память у Эрзмана или Вареника, покупали ткани у братьев Толстиковых, ноты – в музыкальном магазине Петикова, а лекарства – в аптеке Косовского, провожали родных в последний путь на Крестительском кладбище...

Вот в таком городе, где сливались воедино русский север и русский юг, самое современное и седая старина, где рядом мирно существовали потомки казаков и разбойничьей вольницы, «бунташных людей» и раскольников, а над ними, напоминая о жизни иной, вечной, вздымались кресты сорок храмов, жила обыкновенная семья Крестьянкиных. Эта фамилия довольно часто встречается в метрических книгах орловских храмов. Так, известный краевед Александр Михайлович Полинкин обнаружил множество Крестьянкиных в метриках храма Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Там встречаются, например, сведения о рождении в 1852 году сына Ивана у 28-летнего купца 3-й гильдии Василия Ивановича Крестьянкина и его жены Марии Ивановны Лямцевой; о присоединении в том же году из раскола к православию 22-летнего купца 3-й гильдии Ильи Ивановича Крестьянкина и его женитьбе на Евдокии Олимпиевне Никитиной; о рождении в 1853-м у братьев Василия и Ильи Крестьянких детей – соответственно Дмитрия и Елизаветы. Скорее всего, все орловские Крестьянкины доводились друг другу родственниками и свойственниками. И, как видно, были людьми практическими, приземленными – и, в любом случае, небогатыми, не входившими в число «первых лиц» города и губернии. Кто-то из них выходил в низшую, 3-ю, гильдию купечества (в 1863-м ее отменили), но большинство состояло в мещанском сословии.

Сейчас слово «мещанин» звучит с осуждающим обертоном, обозначая человека, живущего узкими, корыстными интересами, ограниченного и бездуховного. Но в XIX веке никакого отрицательного смысла это понятие не несло. Тогда оно обозначало целое сословие – под «мещанами» понимали горожан, занимавшихся мелкой торговлей и ремесленничеством, владевших недвижимостью. Сословие это было наследственным, но пополнялось также за счет отставных солдат, бывших крепостных и государственных крестьян, обедневшего купечества. В свою очередь, разбогатевшие мещане переходили в купеческое сословие, после чего могли за особые заслуги получить и личное (а позже – потомственное) дворянство. По данным переписи 1897 года, в России проживало 13 миллионов 386 тысяч мещан, то есть предки о. Иоанна Крестьянкина входили во вторую по численности социальную группу страны после крестьянства.

15 марта 2018 года А. М. Полинкин сделал в фондах Государственного архива Орловской области настоящее открытие – он обнаружил ранее бывшую неизвестной исследователям запись о рождении отца героя этой книги, Михаила Дмитриевича¹. До этого считалось, что М. Д. Крестьянкин родился в 1860 году, однако, как следует из архивных данных, дата его рождения – 15 октября 1862 года. Таинство Крещения в тот же день совершили о. протоиерей Николай Тихомиров (1811–1867; его перестроенный дом сохранился в Орле по сей день) с диаконом Иоанном Геденовым и причетниками Сергием Морозовым и Сергием Соломиным; спешка, с которой крестили младенца, скорее всего, была связана с его слабым здоровьем. Имя Михаил Крестьянкин получил в честь святителя Михаила, первого митрополита Киевского и всея Руси. Восприемниками были мещанин Василий Петрович Немытов (его родной дядя по материнской линии) и купеческая жена Мария Ивановна Мещеринова.

Родителями М. Д. Крестьянкина – и, соответственно, дедом и бабушкой о. Иоанна Крестьянкина по отцовской линии – были орловский мещанин Дмитрий Федорович Крестьянкин и купеческая дочь Анна Петровна Немытова. Венчались они 8 ноября 1861 года в Смоленском храме, поручителями по жениху были орловские мещане Петр Михайлович Черепенинов и Петр Афанасьевич Цыцын, по невесте – орловские мещане Стефан Иванов и Александр Афанасьевич Цуканов. Венчал деда и бабушку о. Иоанна тот же священник, который крестил его отца, – о. протоиерей Николай Тихомиров². Кроме Михаила, в семье Крестьянких были также сыновья Илья (год рождения которого неизвестен) и Иван, родившийся в 1865 году, а

¹ Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 3330. Л. 163об. – 164

² Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 3330. Л. 149 об. – 150.

в 1896-м женившийся на семнадцатилетней орловской мещанке Елизавете Ивановне Белоусовой.

Дед о. Иоанна, Дмитрий Федорович, родился в 1829 году, а вот дата его смерти пока неизвестна. Супруга его Анна Петровна родилась в 1844-м и скончалась 11 сентября 1908 года в возрасте 64 лет («от старости», уточняет метрическая книга). В записи о смерти она названа вдовой. Значит, дедушка и бабушка воспитанием будущего о. Иоанна заниматься, увы, не могли.

Благодаря тем же метрическим книгам нам известны даты жизни прадеда героя этой книги по отцовской линии – мещанин Феодор Васильевич Крестьянкин родился 8 мая 1800 года, а скончался 9 декабря 1860 года от чахотки. Почти ровесник Пушкина, он был свидетелем тех же исторических событий, что и великий поэт, – Отечественной войны 1812 года, вступления на престол Николая I (которого, возможно, видел воочию – император бывал в Орле пять раз). Согласно ревизской сказке за декабрь 1857 года, жил Феодор Васильевич «в 1-й части в собственном доме», то есть на южной окраине Орла, и, судя по автографу в конце документа, был не слишком «письменным» человеком («Орловский мещанин Феодор Васильев Крестьянкин руку предложил»³). Жену Феодора Васильевича звали Евдокией Ивановной (1808–1861); кроме Дмитрия, у них были еще дети – Василий (родился в 1834-м), Мария (родилась в 1835-м) и Петр (родился в 1838-м). Где похоронен Ф. В. Крестьянкин, в точности неизвестно, но скорее всего на Крестительском кладбище Орла, где погребалось большинство прихожан Смоленского храма, – собственного погоста у церкви не было.

Прапрадеда о. Иоанна, появившегося на свет, видимо, в 1760-х годах, звали Василием Ивановичем. Кроме Феодора, у него были также дети Ольга (родилась и умерла в 1798-м), Иван (родился в 1799-м, умер в 1805-м), Николай (брат-близнец Феодора, родился и умер в 1800-м), Петр (родился и умер в 1803-м), Ксения (родилась в 1804-м). Единственным выжившим, кроме Феодора, ребенком был Михаил (родился в 1791-м, умер 3 мая 1856-го «от горячки»). Его сын Иван Михайлович был женат на Хионии Никитиной и стал отцом пятерых детей – Татьяны (родилась в 1854-м), Марии (родилась в 1856-м), Екатерины (1859–1863), Пелагеи (родилась в 1863-м) и Александра (родился в 1866-м). Все они доводились троюродными сестрами и братом Михаилу Дмитриевичу Крестьянкину и, соответственно, четвероюродными тетками и дядей о. Иоанну.

Самым ранним точно известным нам предком о. Иоанна по отцовской линии был его прапрапрадед – купец Иван Семенович Крестьянкин, умерший в Орле 10 июля 1805 года в возрасте восьмидесяти лет. Следовательно, родился он в год смерти Петра Великого – 1725-м и застал девятиерых императоров и императриц. А его отец Семен Крестьянкин, свидетель петровского преобразования России, появился на свет в самом начале XVIII столетия либо в самом конце XVII.

Все эти записи, как уже было сказано выше, относятся к метрическим книгам храма Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Храм был возведен в Орле в 1770-х годах и функционировал до 1874 года, когда рядом с ним, на территории церковного фруктового сада уже вовсю шло строительство нового Смоленского собора, украшающего собой Орёл и поныне. Возможно, Крестьянкины, в том числе и прадед о. Иоанна Феодор Васильевич, присутствовали при закладке его фундамента, состоявшейся в 1857 году. Старый же храм был разрушен перед началом Великой Отечественной войны (колокольню снесли еще летом 1928-го). В середине 1950-х на его месте (тогдашний адрес – улица 1-я Песковская, 23а) заработал кинотеатр «Комсомольский»...

Но вернемся к Крестьянкиным. Отец героя этой книги, Михаил Дмитриевич, всю жизнь занимался прасольством – оптовой торговлей скотом, весьма распространенной в XIX веке.

³ ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Ед. хр. 879. Л. 641.

Такие торговцы покупали у крестьян коров или овец за наличные, при необходимости откармливали их на пастбищах, перегоняли в города и продавали на тамошних рынках – естественно, дороже, чем купили. Схема получалась выгодной для всех сторон: крестьян она избавляла от необходимости затратных, а зачастую и попросту невозможных в разгар сезона поездок на ярмарки и приносила «живые» деньги, прасол получал хороший процент от сделки, а клиенты на рынке – парное мясо.

Уже один выбор профессии говорит о том, что Михаил Дмитриевич Крестьянкин был человеком незаурядных качеств, ведь прасольство требовало, помимо купеческих талантов, и мужества, и лихости, и выносливости. М. Ф. де Пуле так писал о старых русских прасолах: «В занятиях и образе жизни прасола было много увлекательного, выдающегося, много было трудов и опасностей, одно преодоление которых уже закаляло характер человека. В прасольстве было много казацкого, удалого, что так нравится русскому человеку. Прасол прежде всего лихой наездник. Он вечно на лошади, на лихом донском коне, который смело перепрыгивает через овраги, плетни, через всякую деревенскую огорожу и несется вихрем в степях. <...> Он и одет по-казацки – в черкеске и в широких шароварах, опоясан ремненным поясом с серебряными украшениями, на голове у него барашковая шапка. У него и походка и фигура чисто казацкие: сутуловатый, он ходит увальнем, с перевалкой и как бы вывернутыми ногами». «Прасол – поясом опоясан, сердце пламенное, а грудь каменная» – такую поговорку сложили о торговцах скотом в России.

И еще одно выражение есть в русском языке: «работать на дядю». Так вот Михаил Дмитриевич Крестьянкин работал на дядю в прямом смысле слова – на своего родного дядю по материнской линии, купца Дмитрия Петровича Немытова, брата Анны Петровны Крестьянкиной. В коммерческом плане Немытовы были неизмеримо более удачливы, нежели Крестьянкины, они по праву входили в купеческую элиту города. Призванием этого рода была мясная торговля – одна из самых успешных в Орле, что позволило семейству со временем обзавестись салотопельным, мыловаренным и свечным заводами и пенькотрепальной фабрикой, неоднократно занимать выборные должности в городском магистрате, а позднее – в управе. Благодаря изысканиям жительницы Орла Анастасии Ивановны Гринкевич, происходившей из рода Немытовых и восстановившей его генеалогию, сейчас мы хорошо знаем о предках о. Иоанна по этой линии. Его бабушка Анна Петровна Немытова (1844–1908), в замужестве Крестьянкина, была дочерью купца Петра Ивановича Немытова, а тот, в свою очередь, – сыном знаменитого в городе купца 1-й гильдии Ивана Михайловича Немытова (1786–1875). На его личности стоит остановиться подробнее, так как в истории Орла Иван Михайлович оставил светлый и неизгладимый след, поразительным образом перекликающийся с судьбой его праправнука...

В молодости Иван Немытов более чем успешно занимался мясной торговлей – он стал одним из самых богатых людей города и губернии, его состояние исчислялось миллионами рублей. Но известен он был не только и не столько своими успехами на ниве коммерции, сколько богобоязненным и благочестивым образом жизни. Протоиерей Петр Полидоров так описывал его: «Иван Михайлович со всем жаром посвятил себя житию благочестивому, стал проводить жизнь свою в молитве, посте, трудах, бдении, воздержании, мало говорил, избегал праздности, упражнялся в чтении Священного Писания и отеческих книг, ежедневно посещал общественные молитвы. <...> Он не терпел роскоши, держался во всем умеренности и простоты и обычаев старины относительно платья, мебели, экипажа и проч.». Еще в молодости его духовным отцом стал ученик преподобного Паисия (Величковского) – схимонах Афанасий (Захаров), в 1815–1825 годах бывший насельником Площанской Богородицкой Казанской пустыни; после его кончины духовное водительство Немытова осуществляли великий старец Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской пустыни Моисей и великие Оптинские старцы – преподобные иеросхимонахи Лев (Наголкин) и Макарий (Иванов), под руководством которых Иван Михайлович упражнялся в умносердечной молитве. Усердию Немытова в совершении молит-

венного подвига дивился даже старец Макарий; преподобный Амвросий Оптинский так пишет об этом: «Батюшка отец Макарий недоумел, что и отвечать ему, когда мирянин, ради полученный совета, рассказывал старцу нашему разные состояния молитвы: и батюшка отец Макарий мог ему только сказать: “держитесь смирения, держитесь смирения”. И после с удивлением об этом нам говорил». Купец славился своей благотворительностью, щедро помогал храмам и одаривал нищих, за все успехи и неудачи в делах равно благодарил Господа, любил принимать в доме паломников, проезжавших через Орёл, сам неоднократно совершал паломничества по русским монастырям. В Орле и окрестностях купец пользовался огромным уважением и почитанием, люди шли к нему за советом, как к старцу. В возрасте 88 лет, за три недели до кончины, Иван Михайлович Немытов принял монашеский постриг и 5 мая 1875 года мирно отошел ко Господу. Отпевал его епископ Орловский и Севский Макарий (Миролюбов) с сонмом орловского духовенства, а после смерти И. М. Немытов удостоился упоминания в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова, содержавшем справки о наиболее выдающихся людях России. Сам преподобный Амвросий Оптинский в одном из писем назвал Ивана Михайловича Немытова «великим молитвенником».

Удивительна, непостижима незримая связь между поколениями!.. Оказывается, прямым предком о. Иоанна (Крестьянкина) был человек, не просто известный в миру своим благочестием, но ученик святых, достигший в духовной жизни небывалых высот, то есть праведник. Духовным отцом И. М. Немытова был старец о. Афанасий – наследник преподобного Паисия (Величковского), основателя русского старчества. Прапрадед о. Иоанна сподобился благодати неоднократных бесед с великими старцами Моисеем, Львом и Макарием, учился у них. По свидетельству современников, ему была доступна умносердечная молитва – один из высших молитвенных подвигов. И даже мирские имя-отчество у него были те же, что и у о. Иоанна, – Иван Михайлович. Совпадения?.. Совпадений у Бога не бывает. Можно сказать, что жизнь И. М. Немытова – труднодостижимый, Промыслительный намек на будущую жизнь его правнука.

Память о купце-праведнике бережно сохранялась в городе, и, конечно, будущий о. Иоанн в детстве не раз слышал от родных рассказы о своем благочестивом прапрадеде. А первым точно известным предком о. Иоанна по линии Немытовых был его прапрапрадед, купец Михаил Сергеевич Немытов, родившийся около 1761 года. Он тоже был прасолом, гонял скот из малороссийских губерний в Орёл, Москву и Петербург. Впоследствии он стал купцом 3-й гильдии и на 1793 год держал в Орле, как и трое его братьев, «менную лавку».

А вот для отца героя этой книги прасольство долгое время оставалось единственным средством заработка. Для закупок скота Михаил Крестьянкин тоже ездил главным образом в малороссийские губернии – тамошних овец и быков можно было приобрести за хорошую цену, а продать намного дороже. Эти «командировки», насколько можно судить по воспоминаниям орловских прасолов, были утомительными, а часто и опасными. Допустим, настиг в дороге проливной ливень, а укрыться негде, кругом голая степь, вот и ночуй на мокрой земле. Или весь гурт скота падет от неожиданной хвори (иной раз путь на протяжении сорока верст был завален тушами павших животных). А то и разбойники грабили прасолов, отбирая и скот, и выручку. Словом, рискованное, но азартное, интересное дело, доступное далеко не каждому.

Супружескую жизнь Михаил Дмитриевич начал в возрасте тридцати одного года; видимо, до этого он становился на ноги, чтобы содержать семейство. И избранницей его стала девушка, как тогда говорили, «из простых». 10 января 1894 года М. Д. Крестьянкин женился на дочери государственного крестьянина, семнадцатилетней Евдокии Васильевне Сорокиной, уроженке деревни Монастырская Сухая Орлица (ныне – Сухая Орлица, деревня, вплотную примыкающая к западной окраине Орла, но не входящая в городскую черту). Запись о венчании сделана в метрической книге храма Святого Илии Пророка – подробнее о нем будет сказано в следующей главе; это тот же южный край города, что и приход Смоленской «Одигит-

рии», где венчаались и крестились предыдущие поколения Крестьянковых. Венчал молодых священник о. Андрей Левитский с диаконом о. Алексеем Орловым и псаломщиком Иваном Богдановым. Поручителями по жениху были мещане Петр Васильевич и Дмитрий Петрович Немытовы, по невесте – мещанин Александр Михайлович Овсянников и крестьянин Покровской слободы Николай Николаевич Кошеверов.

7 декабря 1894 года у пары родился сын Александр. Но радость в молодой семье сменилась горем – восемнадцатилетняя Евдокия Васильевна не перенесла тяжелых родов и спустя одиннадцать дней ушла из жизни. Похоронили ее на Крестительском кладбище. Михаил Дмитриевич остался вдовцом с младенцем на руках. А через полгода – новая трагедия, смерть сына: Александр умер 11 июня 1895-го.

Но жизнь всё же взяла свое, и 18 сентября 1895 года Михаил Дмитриевич женился вторично. На этот раз его избранницей стала двадцатилетняя «дочь отставного рядового из мещан города Орла» Елизавета Илларионовна Кошеверова. Венчал молодых священник о. Иоанн Жаворонков с диаконом о. Алексеем Орловым и псаломщиком Иваном Богдановым. Поручителями по жениху были его родной дядя по материнской линии (и работодатель) Дмитрий Петрович Немытов и мещанин Иван Александрович Москвитин, а по невесте – мещане Павел Ильич и Николай Илларионович Кошеверовы, соответственно ее племянник и брат. Особо стоит обратить внимание на то, что вторая жена М. Д. Крестьянкина была орловчанкой, тогда как во всех посвященных о. Иоанну публикациях местом рождения его матери назван город Болхов. На деле же семья Кошеверовых к Болхову никакого отношения не имела – в сохранившихся на данный момент метрических книгах пятнадцати болховских храмов эта фамилия не встречается ни разу. Зато она была хорошо известна в Орле и Мценске. Так, Ивана Сергеевича Тургенева в 1818 году крестили в Борисо-Глебском соборе, который построил орловский помещик Борис Матвеевич Кошеверов (этот храм был разрушен в октябре 1941-го). Братья Сергей и Алексей Кошеверовы были вхожи в московские театральные круги 1840-х, именно они познакомили своего племянника Прова Садовского с А. Н. Островским, а сын Сергея Александр Кошеверов (1874–1921) сам стал известным актером. В XX веке фамилию прославила кинорежиссер Надежда Николаевна Кошеверова (1902–1989), автор одной из лучших советских киносказок «Золушка».

Отца Елизаветы Илларионовны Кошеверовой (и, соответственно, деда о. Иоанна по материнской линии) звали Ларионом Григорьевичем. В ревизской сказке орловских мещан за ноябрь 1857-го он упоминается как «рекрут 1854 года»; поскольку в то время призывным возрастом был 21 год, можно заключить, что родился Ларион Григорьевич в 1833-м. Армейская его служба выпала как раз на время Крымской войны, правда, участвовал ли он в боевых действиях – неизвестно. Из той же ревизской сказки следует, что у Л. Г. Кошеверова были брат-близнец Николай, младшие братья Илья (1840 года рождения) и Иван (1844-го). Их отцом – прадедом о. Иоанна по материнской линии – был мещанин Григорий Степанович Кошеверов, рожденный в 1809 году. Жену его звали Марией Алексеевной (1814 года рождения); одним домом с братом жила также его незамужняя сестра Татьяна Степановна (1819 года рождения). Своего угла Кошеверовы к ноябрю 1857 года не нажили – ютились вшестером «в 1 части на квартире в доме мещанина Горшешникова»⁴, то есть на той же южной окраине Орла, что и Крестьянкины.

У Елизаветы Илларионовны Кошеверовой-Крестьянкиной были братья Николай и Илья (у которого родились дети Павел, Илья, Михаил, Пелагея, Василий, Лидия, Александра и Антонина – двоюродные братья и сестры о. Иоанна) и сестра Прасковья, в замужестве Овчинникова. К сожалению, метрические книги Ильинского храма за 1875 год не сохранились и какого числа и месяца появилась на свет мать о. Иоанна, мы не знаем.

⁴ ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Ед. хр. 864. Л. 138.

Жили Крестьянкины на левом берегу Оки, в двух кварталах от реки, на длинной улице Воскресенской (в 1929–1961 годах она называлась улицей Безбожников, а с 21 апреля 1961-го носит имя Юрия Гагарина). Впервые на планах Орла Воскресенская улица появилась в 1842-м. Она была названа по храму Воскресения Господня, находившемуся в начале улицы (в конце 1930-х он был снесен, сейчас на его месте магазин «Бежин луг»). Улицу населяли в основном купцы (в начале Воскресенской находился, да и сейчас находится, самый большой в городе рынок) и старообрядцы (на соседней улице Черкасской с 1842-го высился храм Успения Божией Матери, возведенный на месте старообрядческой церкви). Ныне застройка улицы Гагарина разномастная, но в начале XX века это было безраздельное царство каменно-деревянных двухэтажных и деревянных одноэтажных домиков, чьи фасады и наличники украшала затейливая резьба, выполненная методом пропиловки. Множество таких домиков в разном состоянии – отличном, хорошем, удовлетворительном и умирающем – сохранилось на улице и в окрестных кварталах и сейчас. А вот маленький, ничем внешне не примечательный одноэтажный дом Крестьянкиных в два окна, увы, не уцелел – как рассказала автору этих строк двоюродная племянница о. Иоанна, монахиня Свято-Введенского женского монастыря матушка Анна, его снесли в 1980 году. Согласно воспоминаниям о. протоиерея Иоанна Троицкого (1930–2010), «в Орле мое семейство и отца Иоанна Крестьянкина были соседями. Его дом стоял там, где теперь на улице Гагарина расположен нынешний магазин “Апельсин”». Бывший супермаркет «Апельсин» ныне называется «Перекресток» и находится по адресу Гагарина, 51, на первом этаже построенной в 1980-м девятиэтажки.

Орловчанка Зинаида Васильевна Петрова, бывавшая в доме у Крестьянкиных, запомнила, что он был очень чистым и уютным. Сначала небольшая передняя, затем комната с печкой, которую топили дровами. В красном углу – старинные иконы Спасителя и Знамени Божией Матери. На покрытой скатертью столе лежал молитвослов с истертыми, зачитанными страницами. Другая комната – чисто убранная спальня.

К началу XX века лихая прасольская молодость Михаила Дмитриевича Крестьянкина уже оставалась в прошлом. По меркам той эпохи в свои 47 лет был он уже почти в начальном старческом возрасте и занимался коммерческими делами в самом Орле, принимая и оценивая купленный другими скот на рынке (в автобиографии о. Иоанна 1989 года должность отца указана как «товаровед»). К сожалению, фотографий его не сохранилось; та, что опубликована в сборнике воспоминаний «Пастырь добрый», атрибутирована, увы, ошибочно – на самом деле на ней изображены не М. Д. Крестьянкин с женой, а болховский священник о. Николай Коссов (1888–1929) с супругой Глафирой.

В семье родились уже семеро детей – для того времени не редкостное исключение, а обычная картина. Правда, ранние годы семейной жизни Крестьянкиных были печальными. Первой 24 июля 1896 года появилась на свет дочь Серафима, но уже 30 октября того же года она умерла («слаба родилась», особо отмечено в метрической книге). Вторая дочь, Мария, прожила еще меньше – родилась 7 июля 1897 года, а умерла 17 августа того же года, также «от слабости». Третьим 28 августа 1898 года появился на свет сын Александр; он всю жизнь жил в Орле, работал продавцом, имел троих детей и умер в 1965 году. Второго сына 15 мая 1900 года назвали Константином, и ему суждено было вписать яркую страницу в историю орловского театра – он стал известным художником-гримером и скончался в 1985-м. 12 января 1903 года (а не 1905-го, как сказано во всех открытых источниках) родилась дочь Татьяна, которая в раннем детстве из-за неудачного падения стала горбатенькой. Она также прожила жизнь в родном городе, работала счетоводом в Горснабе, замуж не вышла и после смерти матери поселилась с двоюродной сестрой Марией Николаевной Овчинниковой (1890–1969), принявшей монашество с именем Евгения. Умерла Татьяна Михайловна в 1954-м и была похоронена на Крестительском кладбище Орла в одной могиле с матерью. Затем у Крестьянкиных родились сыно-

вья Павел (27 июня 1906 года) и Сергей (25 июня 1908-го); Павел выжил, но прожил недолго, скончался в юношеском возрасте, а Сергей умер еще ребенком.

А 29 марта 1910 года (по новому стилю, введенному восемь лет спустя, – 11 апреля) в семье родился восьмой ребенок, которого назвали Иваном. Был тогда понедельник пятой седмицы Великого поста, день преподобного Иоанна Пустынника – древнего отшельника, десять лет проведенного в заброшенном колодце. В его честь и назвали младенца. Но в тот же день отмечается также память преподобных Марка и Ионы Псково-Печерских. Так в самом начале жизни Вани Крестьянкина блеснуло ему его будущее, пока никем еще не разгаданное. А еще оно было заложено в самих имени и фамилии. Крестьянкин – это ведь от «крестьянки», а в этом слове так же явно звучит «христианка», как и в простом мирском «воскресении» – Воскресение Христово, как в «спасибо» – «спаси Бог». А «Иван» в переводе значит «Благодать Божия».

Срединная русская природа, сочетание старины и новизны, непостижимый на первый взгляд сплав разнообразных черт национального характера, сложная и богатая история духовной жизни, благочестивые семейные традиции – вот та основа, на которой возрастал будущий отец Иоанн, вот что сделало его в итоге воплощением русского человека, живущего для Бога и людей.

Глава 2

Орловские годы

В день рождения Вани в доме Крестьянкиных отмечались чьи-то именины – возможно, младшего брата Михаила Дмитриевича, 45-летнего Ивана. Ждали к столу и Елизавету Илларионовну, но тут как раз начались роды, и один из гостей недовольно пошутил:

– Ну и не вовремя мальчик-то родился...

На третий день, 31 марта, Ваню понесли крестить в храм Святого Илии Пророка, или, как его называли в народе, Николы на Песках. Идти было минуты две – храм стоял на той же Воскресенской улице, что и дом Крестьянкиных, шагах в пятидесяти правее. На фотографиях эта церковь не производит впечатление особенно большой и высокой, но воочию поражает величественными размерами. Она была построена в Екатерининские времена, когда Орёл уже был губернским городом. Ее заложили в 1775 году на месте бывшего выгона, где стояла часовня в память о первой деревянной церкви Воскресения с приделом Пророка Божия Илии, выстроенной здесь в 1560-х годах, во время основания Орла. В 1776-м первым освятили южный придел Святителя Николая Чудотворца (отчего и пошло народное название храма), а главное здание было готово к 1790 году. 19 сентября 1858 года, когда Орёл сильно горел, пострадали трапезная и колокольня, но вскоре они были обновлены. В 1874-м в храме установили резной золоченый иконостас, в 1898-м вокруг возвели железную ограду на кирпичном фундаменте, а чуть позднее построили две каменные часовни, до наших дней не дошедшие. На начало века прихожанами храма были 924 мужчины и 900 женщин, из них 600 мужчин и 200 женщин были грамотными; в их число входили и родители Ивана.

Наиболее чтимыми в храме являлись иконы пророка Божия Илии, святителя Николая Чудотворца и святителя Митрофана Воронежского; все они являются покровителями семьи и брака, потому в народе храм часто называли «венчальным». Начиная с 1811 года ежегодно 20 июля, в Ильин день, в храм из всех городских церквей совершался крестный ход. «Какие замечательные крестные ходы были у нас в Орле, особенно пасхальные, – уже в старости вспоминал о. Иоанн (Крестьянкин). – Кругом разливалось море огня, благовестил торжественный колокольный звон. Это были настоящие торжества».

При советской власти храм был закрыт, но, к счастью, не снесен. На цветной фотографии, сделанной немцами в оккупированном Орле, видно, что в 1940-е годы малых куполов на церкви уже не было. После войны в ней размещалась швейная фабрика № 2, с 1963-го – филиал производственного объединения «Радуга». 4 июля 1995 года храм был возвращен приходской общине, в сентябре начались богослужения, а с марта 1996-го купола вновь украсили золоченые кресты. После открытия о. Иоанн подарил своему первому храму облачения, богослужебные книги и утварь; особо берегут в храме подаренное им Евангелие, которое ныне хранится в специальном киоте рядом с крестом, находившимся в гробе священноисповедника Георгия Коссова (о нем еще будет речь ниже).

Храм высится на углу улиц Гагарина (бывшей Воскресенской) и Нормандия-Неман (бывшей Николо-Песковской). Сейчас вокруг разномастная застройка: с левой стороны магазин «Перекресток», с правой – через улицу старинные, но уже обновленные частные домики, над которыми возвышаются два бело-бежевых с голубыми вставками высотных «столбика», порождение уже нашей эпохи; позади храм полукольцом охватывают девятиэтажки брежневских времен. А в начале XX века это была одноэтажная, деревянная южная окраина Орла. Если пойти от храма вперед, то путник проходил мимо стоящего в глубине квартала 2-го Орловского духовного училища (сейчас в его перестроенном здании – средняя школа № 29), величественного собора Смоленской иконы Божией Матери, освященного в 1895 году, – «родного» храма

для старших поколений Крестьянкиных, – и минут через восемь достигал рыночной Кромской (сейчас Комсомольской) площади, на которой теперь разбит разрезанный дорогой пополам парк; еще дальше – маленькая Щепная площадь, ныне застроенная многоэтажками, а левее располагалось Крестительское кладбище, окруженное стеной и усаженное в 1896 году тоненькими деревьями, – уже в конце XIX века этому погосту было сто лет. Если же идти от Николо-Песковской вниз, то всего через квартал начиналась коротенькая Задняя Песковская (сейчас – просто Песковская) улица, а там уже ведущая к Брянску железная дорога, переезд с будкой, наличие которой особо отмечали старые карты, и город заканчивался. Современный же Орёл тянется и много южнее этого предела.

Ильинский храм был первым в жизни Вани Крестьянкина. Крестил младенца священник о. Николай Азбукин (он же раньше крестил Павла и Сергия Крестьянкиных); сослужил ему о. диакон Иоанн Адамов, а помогал псаломщик Евстигней. В метрической книге псаломщик сделал запись: «Родители: орловский мещанин Михаил Димитриев Крестьянкин и законная жена его Елисавета Иларионова. Восприемники: орловский мещанин Александр Михайлов Крестьянкин и орловская мещанка вдова Параскева Иларионова Овчинникова», то есть старший брат и родная тетка, сестра матери.

С младенчества Ваня страдал сильной близорукостью, был слабеньким, часто и подолгу болел. Доходило до того, что близкие вздыхали над его колыбелью: «Ванечку-то хоть бы Бог прибрал!» Так и произошло, но в другом смысле. Однажды, когда младенец почти умирал, до предела измученная и утомленная Елизавета Илларионовна задремала над его кроваткой и вдруг увидела перед собой сияющую деву, в которой узнала святую великомученицу Варвару. «А ты мне его отдашь?» – спросила дева, указывая на младенца. Мать протянула к ней руки и... проснулась. На следующий день Ваня начал выздоравливать. И не было потом ни дня, чтобы он не поминал в молитве святую великомученицу, которая «прибрала» его к себе. К последней странице молитвослова о. Иоанна был приклеен бумажный кармашек, в котором лежала иконка святой великомученицы Варвары с надписью рукой батюшки: «Которая много значит в моей жизни».

3 июня 1912 года в семью Крестьянкиных пришло горе – в возрасте сорока девяти лет от воспаления легких скончался Михаил Дмитриевич. Елизавета Илларионовна, которой было тогда тридцать восемь, осталась одна с пятью детьми на руках (старшему четырнадцать лет, младшему – два года). Но в тяжкое время проявилась сила духа и стойкость характера этой удивительной женщины. О. Иоанн вспоминал, что по праздникам в маленький деревянный дом Крестьянкиных на Воскресенской набивалось полным-полно гостей, и для всех у матери находились и угощение, и доброе слово, а провожая людей, она еще и снабжала их гостинцами для тех, кто не смог заглянуть на огонек. И первые, самые простые и внятные уроки добра, милосердия, сострадания к ближнему мальчик получил именно от матери.

Что-то запоминалось на всю жизнь. Например, самовар, в котором варятся завернутые в марлю яйца к завтраку. И как только они готовы, у мамы начинается «болеть голова» (Елизавета Илларионовна и в самом деле страдала мигренями), «пропадает аппетит», и свое яйцо она отдает младшему, Ване. Это история из голодных лет, может быть, 1921-го или 1922-го. Тогда в доме Крестьянкиных нечего было менять даже на хлеб, оставалась только икона Божией Матери «Знамение». Но на все попытки перекупщиков получить икону и расплатиться с хозяйкой хлебом Ваня слышал твердое «Нет» из уст матери. Еще больше она укрепилась в своем решении, когда увидела сон, в котором икона уходила из ее дома на небо в огненном столпе. Образ так и остался в доме... А вот Ваня подкармливает слепых мышат, и мать ограждает его от досады соседа и друга семьи, купца Ивана Александровича Москвитина: «И что ты ему разрешаешь с мышами возиться, Лиза!..» И так же надолго врезается в память материнское неодобрение, когда на Рождество 1915-го пятилетний Ваня впервые в жизни сам проехался на извозчике – на гривенник, подаренный Москвитиным. Ничего не сказал, смолчал, утаил

монетку, хотя обычно ее отдавал маме... Стыд за проступок – хотя, кажется, что в нем такого? – остался навсегда. Как и стыд за то, что на Пасху 1917 года, оставшись дома один, отщипнул на пробу кусочек кулича, стоявшего на столе. «Я помню до сих пор этот грех», – признавался о. Иоанн в 1970-х.

Трогательная связь между сыном и матерью сохранялась до самой смерти Елизаветы Илларионовны. Даже свой необычный почерк, напоминающий старательные детские письмена, о. Иоанн унаследовал от матери.

Ваня рос не только болезненным, но и очень добрым. Над ним могли подшутить двоюродные братья, предложив полизать на морозе дверную ручку или усадив на коня без седла, но он не держал на них обиды. О мышатах уже упоминалось, а был еще умерший цыпленок, над которым мальчик долго плакал и которому устроил «христианское погребение». И первые его игры тоже были связаны именно с добротой, милосердием – и с церковью. Она стала для Вани родным домом с раннего детства, всё в расположенном по соседству храме для него было теплым и притягательным. Когда Крестьянкины приходили в гости к соседям, у которых висел большой портрет некоего архимандрита, мальчик подолгу любовался его строгим величественным обликом. Воодушевленно участвовал в венчаниях старших братьев – был «мальчиком с иконой» (много лет спустя о. Иоанн в мельчайших подробностях вспомнит эти венчания, наставляя перед браком о. Геннадия Нефедова и Ксению Правдолюбову). А насмотревшись на службы, он попросил маму сделать ему «кадило» из консервной банки, «епитрахиль» из полотенца и помогать во время «службы». Другая мать одернула бы сына, строго внушила бы ему, что игра и церковное таинство – несовместимые вещи. Но, видать, глубоко врожденное чувство такта Елизаветы Илларионовны сделало свое дело (а может быть, материнское сердце почувствовало, что это не просто игра). И сам о. Иоанн впоследствии, когда у него спрашивали, как относиться к такому поведению детей, отвечал:

– Это не игра! Это их жизнь. И не препятствуй им. Пусть только будет всё это серьезно и строго. Как только заметишь какое-либо легкомыслие или улыбку – пресекай. Да они и сами перестанут «служить», когда выйдут из младенческого возраста.

Мать терпеливо участвовала в «службах» пятилетнего Вани, которые порой затягивались надолго. И можно предположить, что в своих «игральных» молитвах мальчик поминал павших за Родину на поле брани, – ведь с 1914 года Россия вела тяжелейшую войну, которую тогда называли Великой, или Второй Отечественной, и Орёл был переполнен ранеными, главным образом солдатами (всего в городе действовали 33 госпиталя, через город прошло больше 114 тысяч раненых, среди которых был и прадед автора этих строк)...

В марте 1916-го Ване Крестьянкину исполнилось шесть лет. И уже тогда было понятно, как резко отличается он от своих старших братьев и сестры. К примеру, окончивший в 1912 году Ильинскую церковно-приходскую школу Константин увлекался театром, не пропускал ни одной орловской премьеры, понемногу готовился освоить мастерство гримера, учась у знаменитого в Орле Жозефа Рауля. А Ваня был весь сосредоточен на церкви. Вскоре он попросил у мамы разрешения самому прислуживать в храме, хотя бы недолго. В соседнем приходе, где алтарничал его ровесник, попросили стихарик, и целую неделю мальчик был счастлив, исполняя пономарское послушание. Но потом стихарь пришлось отдавать, и горю Вани не было конца – он плакал так, что утешить его не мог никто. В конце концов знакомый гробовщик Николай Соболев, сжалившись над малышом, изготовил для него первое в его жизни настоящее облачение – стихарь из золотой парчи, шедшей на обивку гробов. Именно этот стихарь, благословленный епископом Орловским и Севским Григорием (Вахниным, 1865 – после 1919), надели на него во время хиротесии. Так шестилетний Ваня стал пономарем, впервые перешагнув порог храма Святого Илии Пророка в качестве не прихожанина, но служителя. А вернувшись домой с первой службы и барабана кулачком в двери, радостно объявил:

– Открывайте, я ризу принес!..

На первый взгляд обязанности у пономаря не такие уж и сложные. Но это только на первый взгляд. Это человек, который помогает священнику готовиться к богослужению – готовит облачения, приносит просфоры, вино, воду, ладан, возжигает в алтаре свечи. В процессе службы пономарь возжигает и подает кадило, готовит теплоту, во время причащения подает плат для отирания уст. Если необходимо, он участвует в чтении во время службы, выполняет обязанности звонаря и свещеносца; он также следит за порядком и чистотой в храме. Словом, это совершенно необходимый и важный участник церковной жизни. И для того чтобы четко и правильно выполнять все пономарские обязанности, нужно хорошо знать порядок службы, относиться к делу ответственно, вдумчиво и серьезно. Поэтому отношение к детям-пономарям у разных священников разное. Ведь ребенок остается ребенком – чего-то он просто не понимает в силу возраста, к чему-то относится поверхностно, может и полениться, и поозорничать, что-то просто забыть, с чем-то не справиться.

Мы знаем, что Ваня Крестьянкин исполнял обязанности пономаря ревностно и никаких нареканий не вызывал. Значит, он уже тогда, в шесть лет, хорошо понимал суть этого послушания. Конечно, как полагается, получил на него благословение матери и настоятеля храма. Прошел торжественный и волнующий обряд посвящения в церковнослужители – хиротесию. И наверняка присутствовал на многих беседах, учитывал замечания, подсказки, которые ему давали. Тем более что первым его духовным наставником стал священник, который крестил его и венчал его родителей, – о. Николай Азбукин.

Протоиерей Николай Иванович Азбукин происходил из известной в Орле священнической семьи (в XX веке орловские Азбукины дали не только священников, но и ученых – ректора Томского мединститута Агафоника Павловича, врача-дефектолога Дмитрия Ивановича, одного из ведущих специалистов по телеграфии Павла Андреевича; мать философа С. Н. Булгакова также была урожденная Азбукина). О. Николай был законоучителем 3-го приходского мужского городского училища, заведовал одноклассной церковно-приходской школой при своем храме и Кирионовским домом призрения для больных священнослужителей, входил также в совет епархиального женского училища. Ване о. Николай внушал такое уважение, что и много лет спустя он помнил, как молился, глядя на его фотографию: «Господи! Быть бы мне таким, как он!» «Особенная была молитва, потому и услышана», – рассказывал об этом случае о. Иоанн.

Именно о. Николай преподавал Ване первые уроки – не только церковной жизни, но просто жизни, жизни для Бога и людей. О двух таких ситуациях о. Иоанн вспоминал уже в старости. Однажды за поминальной трапезой о. Николай и Ваня сидели рядом, но мальчик ничего не ел, отговариваясь нездоровьем. Старушка-хозяйка очень сокрушалась... и вдруг догадалась, в чем причина: на дворе пятница, постный день, а на столе скоромное. А о. Николай уже на улице объяснил маленькому пономарю, как следовало поступить:

– Ты думаешь, Ваня, что я забыл, какой ныне день? Нет. Но и я, и ты знаем благоговение хозяев, и то, что произошло, это не нарочитое забвение устава Церкви, а ошибка, которую следовало покрыть любовью.

В другой раз священник и мальчик-пономарь вместе возвращались после освящения дома. Благодарные хозяева дали обоим по конверту с вознаграждением. О. Николай спросил, отблагодарили ли Ваню, и тот протянул батюшке свой конверт. А там лежала сумма, предназначенная для священника. О. Николай ни словом не намекнул на то, что произошла ошибка, и вернул конверт мальчику. И только дома Елизавета Илларионовна поняла, что батюшка поменялся с маленьким пономарем.

Хлопот пономарское служение доставляло немало. Под большие праздники, бывало, весь дом Крестьянкиных был заставлен лампадами и церковной утварью, которую нужно было почистить и вымыть. На помощь, конечно, приходила мама. А два раза в год, на Пасху и Рож-

дество, о. Николай обходил с Ваней прихожан на дому, служил молебны. И на рождественских службах Ванины руки согревали связанные матерью рукавички, а душу – чтение молитв, глубокий спокойный голос о. Николая, радостные лица людей, к которым они приходили... Последняя предреволюционная Пасха, 10 апреля 1916-го (потом о. Иоанн вспоминал, как любил забираться на Пасху на колокольню Ильинского храма и звонить; однажды, спускаясь, упал с крутой лестницы, но, к счастью, ушибся несильно)... Последнее предреволюционное Рождество... И Пасха, и Рождество 1917-го будут уже совсем иными.

Именно во время своего пономарства Ваня понял, что хочет посвятить всю жизнь служению церкви. Ведь пономарь не обязательно становится священником – можно быть и мирянином, можно прислуживать в храме всю жизнь. Он же еще совсем малышом почувствовал, понял: найден тот единственно верный путь, по которому он пойдет. «Я родился для того, чтобы стать тем, кто я есть», – говорил о. Иоанн в старости. Для него это становление началось еще в том возрасте, в каком дети впервые садятся за школьную парту. Более того, очень рано пришло понимание того, что он хочет стать не просто священником, но монахом. «Мое монашество началось с послушничества в шестилетнем возрасте, и до 56 лет проходило на приходе среди волнений и забот многоятежного мира» – так напишет архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в предисловии к «Настольной книге для монашествующих и мирян».

Наверное, первыми Ваня увидел не монахов, а монахинь. В Введенской женской обители подвизалась дочь сестры Елизаветы Илларионовны, Мария (в монашестве Евгения), и монахини были нередкими гостями в доме Крестьянковых. Пока они пили чай с мамой, Ваня в прихожей с трепетом примерял на себя рясы и клобуки. И еще в четырехлетнем возрасте рассмешил гостей тем, что пообещал непременно стать монахом именно в их монастыре... Это было первое, еще не осознанное соприкосновение с миром монашества, который затем стал для него идеалом, мечтой и к которому он будет стремиться.

Во всяком случае, по воспоминаниям орловских духовных дочерей о. Иоанна Клавдии и Веры Андреевых, когда маленькому пономарю указали на стоявших в храме, как положено, слева, девочек и в шутку предложили выбрать себе невесту («те, что поближе стоят, те побогаче, а дальше – победнее»), мальчик вполне серьезно ответил:

– Мне невеста не нужна, я – монах.

...Если мирный довоенный уклад жизни Орла ушел в прошлое в 1914-м, когда Ване было четыре года, то 1917 год безвозвратно переменял и уклад военный. Нет, серых шинелей на улицах меньше не стало, но на них расцвели теперь красные банты – символ разрыва со «старым режимом», осуждения низвергнутой власти государя. Полетели на мостовую двуглавые орлы – символы «поставщиков Двора Его Императорского Величества», торопливо замазывалось черной краской всё, связанное с прежним укладом страны. Нет сомнения, что семилетнему Ване творившееся в городе причиняло боль. Летом 1986 года в беседе с паломниками маститый старец о. Иоанн (Крестьянкин) с благодарностью вспоминал «воздух монархии», которого он успел глотнуть в детстве, и сожалел о том, что его собеседники не знают, что это такое. «Вы даже представить себе не можете, что это было за время! – говорил он. – И та Россия – как другая планета! Совсем все другое, сейчас непредставимое!» «Он говорил это с какими-то возвышенными интонациями и часто поднимая вверх руки, как при молитвенных возгласах», – вспоминала слышавшая этот рассказ О. Б. Сокурова. «Мы – николаевские», – с гордостью повторял старец, имея в виду то, что принадлежит к давно ушедшей категории «дореволюционных» людей. И просил в письме: «Имей же, детка, ежедневно пред душевным взором <...> Государя нашего Императора Николая II, предавшего Россию в Руцз Божии и скипетр свой – Царице Небесной, а себя – палачам за нее, как жертву живую». Небольшое изображение императора всегда находилось в его келии.

Доводилось ли Ване Крестьянкину самому видеть государя?.. При жизни будущего старца Николай II посещал Орёл единственный раз – 22 ноября 1914-го. Тогда император при-

существовал на богослужении в Петропавловском соборе. И вполне возможно, что в многотысячной толпе, стоявшей у храма и приветствовавшей государя мощным «Ура», была и Елизавета Илларионовна Крестьянкина с четырехлетним Ваней и другими детьми.

Но вернемся в 1917-й. Тогда вместе со всей взбаламученной страной Орёл прошел через «весеннее обострение», когда на улицах и площадях бушевали восторженные митинги во славу «свободы» и «демократии»; летнее осознание того, что какого-то волшебного мгновенного обновления жизни ждать вовсе не стоит; осеннее озлобление и опустошенность, последовавшие после разгрома «Корниловского мятежа». Царившее в обществе напряжение разрешилось октябрьским переворотом. В Орле, впрочем, новость приняли далеко не восторженно – 26 октября исполком городского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов осудил вооруженное восстание в Петрограде, а на выборах в Учредительное собрание, прошедших в Орле 12–15 ноября, за большевиков проголосовали только 7 тысяч избирателей из 25 тысяч. О перевороте напоминали лишь редкие красные знамена на зданиях. Тем не менее 25 ноября в городе был создан военно-революционный комитет, немедленно приступивший к организации в Орле «нового порядка». 10 января 1918-го горсовет признал советскую власть единственно законной, а 21 февраля ликвидировал городскую думу и городскую управу. Так для Орла началась советская эра.

Отразились события бурного года и на церковной жизни Орла. Новации в ней начались еще при Временном правительстве. Так, 20 июня 1917 года церковно-приходские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения, а 14 июля принят закон о свободе совести, декларирующий свободу религиозного самоопределения с 14 лет. С недоумением и негодованием многие восприняли такую новацию, как проведение некоего «съезда духовенства и мирян» епархии. В апреле 1917-го этот съезд рассматривал вопрос о смещении с кафедры епископа Макария (Гневушева), назначенного на должность в январе, буквально перед самым переворотом, – за то, что он «при новом правительстве тормозит переустройство церковной жизни». В мае владыка Макарий был отправлен на покой в Смоленский Спасо-Авраамиев монастырь, а 4 сентября 1918 года расстрелян (палач выстрелил владыке в лоб) за «контрреволюционную деятельность» – одним из первых церковных иерархов. В 2000 году епископ Макарий был причислен к лику священномучеников... В августе 1917-го тот же съезд избрал новым епископом Орловским и Севским владыку Серафима, временно управлявшего епархией с 27 мая (в Орёл он прибыл 3 июня).

К этому времени, видимо, относится и знакомство с владыкой семилетнего Вани Крестьянкина. С замиранием сердца он провожал взглядом экипаж епископа, когда случалось тому проезжать по улице, и бегом сопровождал его. Однажды владыка Серафим, выглянув в окно, увидел бегущего рядом мальчика и спросил, как его зовут. Услышав ответ, попросил кучера остановить лошадь и пригласил мальчика сесть к нему. «У меня дух захватило от восторга», – вспоминал о. Иоанн и восемьдесят лет спустя...

– А что, Ванечка, не хочешь ли ты прислуживать мне во время Богослужения?

– Как? В алтаре, с архиереем?!

– Да.

– Очень хочу! – от всего сердца выпалил Ваня.

Так началось его знакомство с владыкой Серафимом – одним из главных его духовных учителей.

Преосвященнейший Серафим, в миру Михаил Митрофанович Остроумов, родился в 1880 году в Москве. До Первой мировой войны он был заместителем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря в Польше, ректором Холмской духовной академии. Умный, глубоко образованный, интеллигентный, владыка Серафим внешне мог произвести впечатление мягкого человека. Но когда дело касалось принципов, он проявлял твердость и решительность характера. Недаром в первой же своей проповеди, произнесенной в Орле 3 июня 1917-го в Пет-

ропавловском соборе, он сказал: «В наши дни пастыри должны не только проповедовать Христа, но и исповедовать Его, то есть быть готовыми к подвигу». Твердо, стойко встретил он летом 1922-го непомерно жесткий приговор – семь лет заключения. Всегда оставался подлинным управителем Орловской епархии для тех, кто сохранил веру. В декабре 1926-го владыка был вновь арестован и навсегда покинул Орёл, с которым его столько связывало. 1 ноября 1927 года он был назначен архиепископом Смоленским и Дорогобужским, в Смоленске тоже проявил себя как мужественный и твердый архипастырь. И так же твердо он смотрел в лица своим палачам 8 декабря 1937 года в Катынском лесу под Смоленском... В 2014-м там был установлен памятник прославленному в лике священномучеников владыке.

...Настоящие испытания для верующих Орла и всей России начались с установлением советской власти. Новое правительство один за другим выпускало декреты, призванные подрывать влияние Православной Церкви на паству. Декрет «О земле» 26 октября 1917 года объявлял все церковные и монастырские земли народным достоянием, 11 ноября из ведения Церкви были изъяты все учебные заведения, 16 декабря был принят декрет «О разводах», а 18 декабря – «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», лишавший Церковь возможности регулировать юридические отношения в семье и аннулировавшие действительность церковного брака и развода. 23 января 1918 года был опубликован декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (в дальнейшем переименован в декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»), который лишал Церковь всякого юридического статуса и права на собственность. 25 января Поместный Собор указал, что этот декрет «представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения». Дополнительное возмущение верующих вызвали введение григорианского календаря (после 31 января 1918 года сразу наступило 14 февраля) и реформа правописания (10 октября 1918 года)

Светлым лучом в этом царстве тьмы была для православных весть о восстановлении в России патриаршества (28 октября 1917 года) и избрании Патриархом Московским и всея Руси митрополита Тихона (Беллавина, 1865–1925) (21 ноября). Первые же действия Патриарха вселяли надежду на то, что Церковь сумеет отстоять свои права в новом государстве. 19 января 1918 года Патриарх Тихон выступил с посланием, в котором призвал всех православных встать на защиту Церкви, а тех, кто участвовал в беззакониях, жестокостях, расправах, грабеже церковного имущества, отлучил от Таинств и предал анафеме. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы, – говорилось в послании. – Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной».

В руководстве для действия епископу Орловскому и Севскому Серафиму от 15 марта 1918 года разъяснялось, что отлучение могло накладываться как на отдельных лиц, так и на целые общества и селения. В случаях нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние Патриарх советовал «призывать православный народ на защиту Церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. п.». Для защиты святынь предполагалось при всех церквях создать «союзы» из прихожан. В крайних случаях эти союзы могли заявлять себя собственниками имущества. Кроме того, документ призывал «всеми мерами оберегать от поругания и расхищения» священные сосуды и другие принадлежности богослужения во избежание попадания их в руки атеистов или иноверцев.

В знак протеста против гонений на Церковь 21 января 1918 года в Петрограде и 28 января в Москве верующие провели крестные ходы. В Орле был тоже устроен крестный ход. Благословляя его проведение, епископ Серафим заявил: «По примеру Петрограда и Москвы предполагается устроить торжественный крестный ход из всех церквей, в котором должны принять участие все от мала до велика, чтобы многотысячная церковная процессия явилась внушительным свидетельством отношения верующего русского народа к нынешней противохристи-

анской политике большевистского правительства». Был и непосредственный повод – 1 февраля крупные силы Красной гвардии и милиции разогнали толпу прихожан, мешавшую снимать с колокольни Покровского храма двуглавых орлов. На следующий день, несмотря на мороз и то, что в Орле было объявлено военное положение и запрещены «всякие демонстрации и уличные шествия», на улицы вышли 20 тысяч человек – треть населения города. Среди них был и семилетний иподиакон епископа Серафима Ваня Крестьянкин, шедший рядом с владыкой во главе огромной колонны. Крестный ход с пением «Христос воскрес из мертвых» и «Воскресение Христово видевше...» прошел от храма Иверской Божией Матери до Петропавловского собора, где была отслужена литургия. Затем на кадетском плацу владыка Серафим отслужил молебен, а наместник Болховского Троицкого Оптиного мужского монастыря иеромонах Даниил (Троицкий, 1887–1934), по свидетельству следившего за действием чекиста, «произнес публичную клятву, сводящуюся к тому, что он и все духовенство от церкви никогда не отойдут и, несмотря ни на какие репрессии, от своих взглядов не откажутся». В ответ все присутствующие ответили громким «Клянемся!».

Несмотря на сильную, по свидетельству очевидцев, «наэлектризованность» участников, крестный ход прошел спокойно и закончился, к счастью, без инцидентов. А вот в Туле в тот же день произошла трагедия – местный крестный ход власти в упор расстреляли из винтовок и пулеметов, 8 человек были убиты, 11 ранены.

Усиление репрессий против верующих орловцев не заставило себя ждать. В тот же день, 2 февраля, большевистские солдаты под командой матроса ворвались в Орловское епархиальное училище и учинили обыск, причем инспектор училища и его жена были зверски избиты. 9 февраля был захвачен епархиальный свечной завод. 14 марта был заключен под домашний арест епископ Орловский и Севский Серафим, его дважды допрашивали, запретили получать корреспонденцию. 6 июля представители губернской ЧК обыскали Архиерейский дом, епархиальное собрание было разогнано под угрозой расстрела, епископ Елецкий Амвросий (Смирнов) арестован, а для владыки Серафима на тот день пришелся уже второй в его жизни арест. 1 сентября было захвачено также здание духовной консистории, а бесценный архив, хранившийся там, выброшен на улицу и погиб.

Черное время настало и для монастырей Орловщины. В Ливенском уезде в ноябре 1918-го был полностью razорен местными крестьянами женский Марии-Магдалининский монастырь, такая же участь постигла Предтеченский монастырь в Кромском уезде. Всего у губернских монастырей было изъято 378 500 десятин земли. Представители власти вскрыли и осквернили усыпальницы святителя Тихона Задонского и преподобного Макария (Глухарева). В Мценске древнюю резную скульптуру святителя Николая Чудотворца бросили в реку Зуша... И такие новости приходили почти каждый день, одна страшнее другой.

Но самое страшное было в том, что в городе и губернии, как и по всей стране, начался настоящий террор против священнослужителей. Пока он не носил планомерного характера, скорее это были отдельные случаи, скромно именовавшиеся на языке той эпохи эксцессами. Но в прежней России и одного такого случая было бы достаточно для того, чтобы повергнуть общество в шок, а теперь они становились обыденностью. Первым, еще в начале сентября 1917-го, погиб духовник Орловской духовной семинарии о. Григорий Рождественский. 26 апреля 1918 года в селе Усть-Нугрь Болховского уезда отряд красноармейцев совершил налет на дом священника о. Иоанна Панкова, убил его самого и его сыновей, офицера-фронтовика Петра и семинариста Николая, а также двух случайных свидетелей. Также погибли наместник Брянского Свенского монастыря игумен Гервасий, елецкий священник о. Михаил Тихомиров, священник села Сетного о. Василий Лебедев, священник села Дровосечное о. Василий Осипов, многие другие иереи и монахи. С убийствами священников смыкались дикие погромы помещичьих усадеб Орловщины, зачастую сопровождавшиеся чудовищными бессмысленными зверствами. Так, 28 ноября 1917-го во время погрома усадьбы Добрунь поме-

щиков Подлиневых крестьяне разбросали и сожгли останки покойных владельцев усадьбы; в другой раз живьем содрали шкуру с быка, облили керосином живую лошадь и подожгли – за то, что животные были «буржуйскими»...

Не раз и не два казалось орловцам в то время, что установившиеся осенью 1917-го порядки не продержатся долго. С волнением горожане следили за событиями на южном фронте Гражданской войны, многие с нетерпением ждали прихода белой Добровольческой армии. В марте 1918-го Орёл уже узнал, что такое бой (тогда красные с помощью броневых автомобилей и артиллерии усмиряли вышедший из-под контроля отряд анархиста И. П. Сухоносца), но в зоне настоящих боевых действий город оказался осенью 1919-го. Окраины Орла горели от артиллерийского огня, было много убитых и раненых. Вечером 13 октября 1919-го, когда красные под натиском трех Корниловских ударных полков и бронепоезда «Единая Россия» оставили Орёл, жители высыпали на улицы, а городские храмы ударили в колокола. Этот радостный трезвон на фоне пасмурной ветреной погоды запомнился многим мемуаристам: «Гудели колокола, духовенство в праздничных облачениях стояло около церквей»; «Над землей расплывается непрерывный радостный Пасхальный звон. Невозможно было удержаться от слез. Так встречал нас простой люд окраин»; «Льется радостный, ликующий звон. Как волны, звоны начинаются с окраин и льются дальше, в середину, наполняют весь город. Общий восторг растет и крепнет». Нет сомнения, что и семья Крестьянкиных участвовала в радостной встрече добровольцев, присутствовала на молебствии, которое проходило 14 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы, на городской площади. Тогда же горожане впервые увидели танки – три машины английского производства приняли участие в параде. Но белые оставались в городе недолго, всего неделю. Поздним вечером 19 октября добровольцы оставили Орёл, а днем 20-го в город без боя вернулись красные. Надежда на восстановление прежнего порядка рухнула. В доме Крестьянкиных окончательно сняли со стены столовой портрет государя Николая II, и он еще долго напоминал о себе большим белым пятном на выгоревших обоях...

Но и после окончания боевых действий напасти не оставляли город. Весь 1920 год Орёл терзали эпидемии различных болезней – то сыпной тиф, то возвратный, то оспа, то грипп. Тогда в городе переболели 14 500 человек, многие умерли. А в начале 1922-го на Орёл обрушился топливный кризис – как-то разом, одновременно не стало дров. Именно тогда пошли под топор старинные сады и парки, украшавшие губернский город до революции...

Словом, на рубеже 1910—1920-х годов Орёл пережил больше событий, чем за много лет до того. И сложно, почти невозможно сейчас представить, через какую душевную смуту довелось пройти семье Крестьянкиных вместе с другими орловцами. Конечно же, они не могли оставаться в стороне от бурлившего вокруг водоворота, ведь жизнь менялась не в частностях, а кардинально, помимо чьих-то желаний и нежеланий. Сохранять в душе чистоту и спокойствие посреди набравшего обороты хаоса было нелегко. Спасала молитва, близость родного храма, память о том, что на всё воля Божия. И, конечно, примеры людей, которые и в новых условиях продолжали жить так, как им велел Господь. Их образы глубоко запали в душу Вани Крестьянкина и запомнились навсегда. «Время не стерло из памяти почти всех, служавших в то время в орловских храмах, так они были все значительны и богомудры – Божии служители», – уже в глубокой старости написал о. Иоанн.

«Маститым старцем, глубоко любимым и почитаемым орловчанами» запомнился ему настоятель храма Иверской Божией Матери о. протоиерей Аркадий Оболенский. Он родился в 1864 году в селе Рождественском на Орловщине. О. Аркадий стал одной из первых жертв новой власти в Орле – был арестован в марте 1918-го и заключен в каторжную тюрьму. Затем освобожден и служил в своем храме до 1923 года, после чего был арестован вторично и выслан в Витебск. Там был арестован за то, что «устраивал у себя на квартире нелегальные собрания граждан с целью обработки их в антисоветском духе», в 1928-м выслан обратно в Орёл и после этого еще многократно арестовывался, в последний раз – в 1937-м, когда и погиб... Огромным

авторитетом в городе пользовался и о. протоиерей Всеволод Ковригин. Относительно молодой (родился в Петербурге в 1893-м), он принял сан священника после окончания историко-филологического факультета столичного университета, в 1918-м, и служил в Введенском храме. В Орле о. Всеволод завоевал общее уважение как даром проповедника, так и непримиримой позицией, занятой по отношению к обновленчеству. В 1923-м он был арестован за сопротивление изъятию церковных ценностей и выслан из Орла, затем арестовывался еще дважды – в 1925 и 1929 годах.

Но самое глубокое впечатление на Ваню Крестьянкина произвел о. Георгий Коссов, или, как его звали в народе, Егор Чекряковский. О. Георгий (1855–1928) родился в селе Андросово Орловской губернии, окончил Орловскую духовную семинарию, некоторое время преподавал в сельской школе, а с 1884 года до самой смерти был священником в селе Спас-Чекряк недалеко от Болхова. Принял о. Георгий крошечный запущенный сельский приход, а оставил после себя каменный храм, пять школ, странноприимный дом, училище, рассчитанное на 150 сельских девочек, кирпичный завод, библиотеку, слесарно-токарную и столярную мастерские, пасеки, сады... Еще в молодости о. Георгий побывал у преподобного Амвросия Оптинского (Гренкова, 1812–1891). Молодой священник в то время проходил через тяжелое испытание – прибыв в свой приход, где было тогда 14 дворов и ветхий деревянный храм, он тяжело заболел (кашлял кровью), пал духом и думал просить у всероссийски известного подвижника благословения на переход в другое место. В Оптину пустынь, за 60 верст от Спас-Чекряка, о. Георгий пришел пешком, со страннической котомкой, и стоял в толпе народа, далеко от дверей келии о. Амвросия. Великий старец не знал его лично и никогда о нем не слышал. Но неожиданно через головы других паломников обратился прямо к нему:

– Ты, иерей, что такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, кто иереев-то ставит? А ты – бросать?! Храм, вишь, у него стар, заваливаться начал! А ты строй новый, да большой каменный, да теплый, да полы в нем чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь-то из головы выкинь! Помни: храм-то, храм-то строй, как я тебе сказываю.

Пораженный о. Георгий послушался, но вскоре начались для него новые испытания – одолевала смертная тоска, днем и ночью он слышал голос, который твердил ему: уходи, ты один, и тебе не справиться. Молодой священник снова отправился в Оптину и услышал от о. Амвросия следующее:

– Ну, чего испугался, иерей? Он один, а вас двое.

– Как же это так, батюшка?

– Христос Бог да ты – вот и выходит двое! А враг-то – он один. Ступай домой, ничего впереди не бойся. Да храм-то, храм-то большой, каменный, да чтоб теплый, не забудь построить! Бог тебя благословит.

Так и вышло: и храм в Спас-Чекряке в 1903 году появился каменный, теплый, и полы в нем были деревянные, и больных к о. Георгию начали привозить со всей России – слава о его прозорливости и духовной мощи вышла далеко за пределы Орловской губернии, настолько далеко, что сам святой праведный Иоанн Кронштадтский выговаривал орловским паломникам, зачем они едут к нему, если у них есть благодатный о. Георгий. Он стал старцем – первым, которого встретил в своей жизни Ваня Крестьянкин.

«Старец» – отнюдь не синоним старика. Старец в православии – это наставник, духовный водитель. Как правило, это иеромонах, опекающий братию своей обители и паломников-мирян. Обычно это человек в годах, но не обязательно: преподобный Амвросий Оптинский начал старчествовать в 38-летнем возрасте. «Возраст старости есть житие нескверное» (Прем. Сол. 4: 9), то есть «старцем» может быть и мудрый, сдержанный юноша, равно как и старик летами может представлять собой такого «вечно молодого, вечно пьяного»...

Основателем русского старчества считается преподобный архимандрит Паисий (Величковский, 1722–1794), подвизавшийся в молдавских обителях, на Афоне и в румынской Нямецкой лавре. От Паисия протянулись невидимые, но прочные нити к двум брянским пустыням – Площанской Богородицкой Казанской и Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской. Первая может считаться прародительницей старчества в России – еще в 1746 году там подвизался иеромонах Иоасаф (Медведев), духовными наследниками которого были иеромонахи Пафнутий, Серапион и Адриан. Какое-то время в Площанской пустыни находился и преподобный иеросхимонах Василий (Кишкин, 1745–1831), затем перешедший в Белобережскую. Именно в Белобережской пустыни в 1805 году был составлен строгий монастырский устав, который послужил основой для монашеского жития по всей России. Учениками о. Василия были преподобный иеросхимонах Лев (Наголкин, 1768–1841), основатель старчества в Оптиной пустыни, и архимандрит Моисей (1772–1848), в 1824–1848 годы наместник Белобережской пустыни, при котором она пережила наивысший расцвет. Учеником преподобного Льва, в свою очередь, был преподобный иеросхимонах Макарий (Иванов, 1788–1860). А наследником старца Макария стал Амвросий Оптинский. Интересно, что с преподобными Василием, Моисеем, Львом и Макарием, как мы помним, был тесно знаком и учился у них прапрадед о. Иоанна Крестьянкина, И. М. Немытов, которого Амвросий Оптинский называл «великим молитвенником»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.